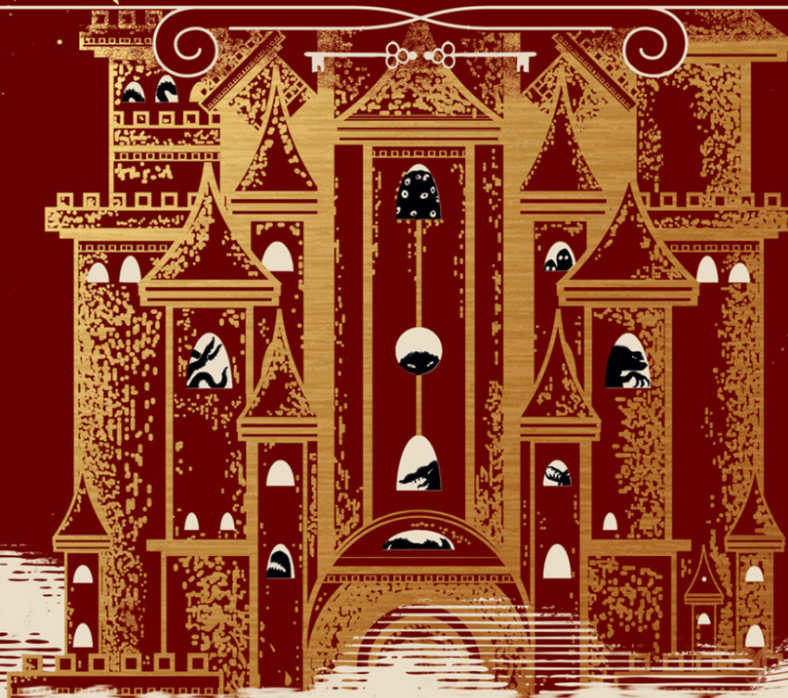

НАОМИ НОВИК

СМЕРТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ВЫПУСК

Один из них пожертвует всем.
ДАЖЕ ЛЮБОВЬЮ.

18+

Шоломанча

Наоми Новик
Последний выпуск

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Новик Н.

Последний выпуск / Н. Новик — «Эксмо», 2021 — (Шоломанча)

ISBN 978-5-04-187924-2

Пережить выпускной в Шоломанче смогут не все. Лишь немногие покинут стены школы, остальных ждет ужасная участь. Но сейчас у Галадриэль проблемы посерьезнее: кажется, школа решила сделать все, чтобы она и вовсе не дошла до выпускного зала. Иначе как объяснить то, что безумное количество злыдней ополчилось на нее — и только на нее! Что ж, Галадриэль готова принять вызов. Однако чего ей это будет стоить? Ведь согласно пророчеству, она та, кто может уничтожить не только школу, но и весь мир...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-187924-2

© Новик Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наоми Новик

Последний выпуск

Naomi Novik

THE LAST GRADUATE

Copyright © 2021 by Temeraire LLC

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Во внутреннем оформлении использованы изображения: © monkographic, Vector Tradition, ekosuwandono, Vera Petruk, Kalleeck, Mia Stendal, Alessandro Colle, Katerina Iacovides, Africa Studio, Happetr, tomertu, Zaleman, RaraAvisPhoto, Obsidian Fantasy Studio, ju_see, dani3315, Roman3dArt, ninoon, DM7, Triff, fantasystock, ekosuwandono, Chikovnaya, Vera Petruk, siloto, paseven/ Shutterstock.com

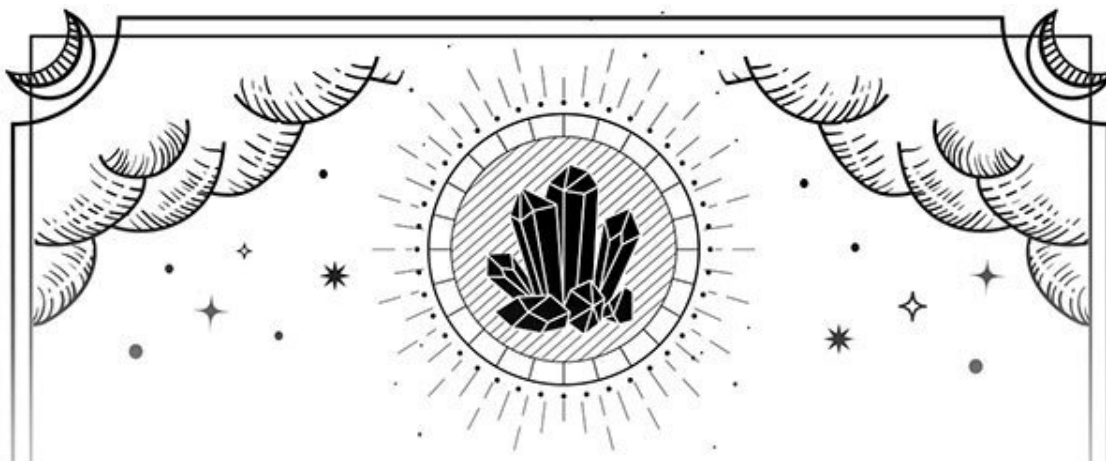
В коллаже на форзаце и нахзаце использованы фотографии и иллюстрации: ©paseven, siloto, Mariusz S. Jurgielewicz/ Shutterstock.com

* * *

Глава 1

Сумчатая гадюка

«Не связывайся с Орионом Лейком».

Люди верующие – а именно они по большей части населяют одну чудную языческую комму в Уэльсе, не считая, конечно, перепуганных юных магов, которых по достижении определенного возраста запикивают в смертельно опасную школу – так вот, люди верующие регулярно вызывают к помощи какого-нибудь благожелательного, заботливого и мудрого божества, надеясь получить совет посредством чудесных знамений и предвестий. Будучи дочерью Гвен Хиггинс, я могу с абсолютной уверенностью сказать, что, если они его получают, он им не понравится. Загадочные советы от того, кто принимает его интересы близко к сердцу и чье суждение непременно окажется справедливым и здравым, человеку не нужны. Он хочет, чтобы божество либо велело сделать то, что он и сам хотел (а значит, можно было обойтись без совета), либо приказало поступить ровно наоборот (и в таком случае он неохотно подчинится, как ребенок, которому велели чистить зубы и ложиться спать, ну или проигнорирует божественную весть и угрюмо двинется своим путем, зная, что впереди только боль и отчаяние).

Если вы гадаете, какой вариант предпочла я, значит, вы меня совсем не знаете. Боль и отчаяние – моя судьба. Этим путем я иду не задумываясь. Мама, несомненно, хотела лучшего, однако ее коротенькая записка гласила: «Милая моя девочка, люблю тебя, не теряй смелости и не связывайся с Орионом Лейком». Я прочла мамино послание одним взглядом, стоя в толпе новичков, немедленно порвала его на кусочки, сама съела клочок с именем Ориона, а остальные раздала.

– Что это? – спросила Аадхья, которая по-прежнему смотрела на меня с негодованием.

– Средство для поднятия духа, – сказала я. – Мама вложила чары в бумагу.

– Да. Твоя мама, Гвен Хиггинс, – произнесла Аадхья еще холоднее. – О которой ты так часто нам рассказывала.

– Бери и ешь, – буркнула я раздраженно.

Пробудить во мне раздражение было несложно. Ни по чему другому – включая солнце, ветер и спокойный ночной сон – я не тосковала в школе так сильно, как по маме. Ее чары вселили в меня ощущение, что вокруг пахнет травами и весенней землей, и прямо за дверью хрипло квакают лягушки, и я лежу, свернувшись клубочком, на маминой постели, а она ласково гладит меня по голове. Я бы заметно приободрилась, если бы в то же самое время не тревожилась из-за слов про Ориона.

Приятных перспектив была масса. Оптимальный вариант: Орион обречен умереть молодым, ужасной смертью, что, в общем, никого не удивило бы, учитывая его тягу к подвигам. Правда, мама не стала бы предостерегать меня от романа с обреченным на гибель героем. Она искренне считает, что надо срывать цветы удовольствия, пока можно.

Мама хотела уберечь меня от зла, а не от печали. А следовательно, Орион был великим maleficером, который скрывал свою злобную сущность, раз за разом спасая людей, чтобы потом... не знаю... убить их? Или мама боялась, что он меня окончательно выбесит, я прикончу его и сама стану великим maleficером? Это было гораздо вероятнее, учитывая пророчество.

Впрочем, скорее всего, мама ничего не знала наверняка. Просто ей не давало покоя скверное предчувствие насчет Ориона. Она не сумела бы объяснить причину, даже если бы исписала десять листов с обеих сторон. Но предчувствие было такое паршивое, что она авто-стопом добралась до Кардиффа, отыскала пацана, поступающего в школу, и попросила его родителей переслать мне записку весом ровно в один грамм.

Я подергала Аарона за костлявое плечо.

– Эй! Что моя мама дала твоим предкам за то, чтоб они передали записку?

Он повернулся ко мне и неуверенно произнес:

– Кажется, ничего... Она сказала, что ей нечем заплатить, и попросилась поговорить с ними с глазу на глаз. Потом она дала мне записку, и моя мама выдавила из тюбика немножко пасты, чтобы места хватило.

Вы, наверно, думаете, что это пустяки, но никто из поступающих в Шоломанчу не тратит крошечный объем дозволенного багажа на такие глупости, как обыкновенная зубная паста. Лично я чищу зубы пищевой содой из алхимической лаборатории. Если Аарон принес с собой зубную пасту, значит, она была зачарована. Очень полезная штука, если следующие четыре года визит к зубному врачу тебе не светит. Он с легкостью мог бы выменять порцию зубной пасты на целую неделю дополнительных обедов у какого-нибудь однокашника с больным зубом. И его родители лишили сына пасты, чтобы моя мать могла передать мне предупреждение!

– Круто, – с горечью сказала я. – На, съешь.

Я протянула ему клочок записки. Полагаю, Аарон, оказавшись в Шоломанче, как никогда нуждался в поднятии духа. Все лучше, чем почти неизбежная смерть, грозящая подросткам-волшебникам за пределами школы. Но ненамного лучше.

Тут в столовой открылась раздача, все бросились за едой, и ход моих мыслей прервался, но, когда мы встали в очередь, Лю тихонько спросила:

– Как ты?

Я тупо уставилась на нее. Лю вовсе не умела читать мысли – она просто замечала мелкие детали и складывала их воедино. К тому же она указывала на карман, куда я сунула последний обрывок записки – записки, содержанием которой я ни с кем не поделилась, даже когда раздавала зачарованные обрывки, которые должны были развеять все мрачные мысли. Я смутилась просто потому... что Лю об этом спросила. Я не привыкла к расспросам – да и к тому, чтобы кто-то замечал мою грусть. Пожалуй, кроме тех случаев, когда от тоски и отчаяния я вот-вот начну дышать огнем... а это, скажем честно, случается нередко.

Я ненадолго задумалась и поняла, что не хочу говорить про записку. Вариантов, в общем, не было. И я не то чтобы солгала Лю, когда кивнула ей, давая понять, что все в порядке, и улыбнулась – непривычное было действие, какое-то незнакомое. Лю улыбнулась в ответ, и мы двинулись дальше, сосредоточившись на еде.

В суете мы потеряли наших новичков – они, разумеется, стояли в хвосте очереди, а нам теперь принадлежала сомнительная честь быть первыми. Но ничто не помешало бы нам взять для младших лишку, если получится – по крайней мере, сегодня мы могли это сделать. Стены

были еще теплыми после очищения. Уцелевшие злыдни только-только начинали выползать из темных уголков и укромных щелей. Скорее всего, в столовой было безопасно. Поэтому Лю прихватила для своих кузенов несколько пакетиков молока, а я, хотя и без особой охоты, – порцию пасты для Аарона. Теоретически я ничего не была ему должна за то, что он принес записку; согласно неписаному правилу Шоломанчи, все уплачивалось снаружи. Но лично он, в конце-то концов, ничего не получил за услугу.

Было странно стоять почти в голове очереди, в полупустой столовой, в то время как сзади вдоль стен змеился огромный хвост школьников. Младших было втрое больше, чем нас. Ребята из среднего класса показывали новичкам на потолок, на отдушины и стоки в полу, наказывая в будущем держать ухо востро. На свободное место, оставленное для новичков, со скрипом и стуком тащили складные столы. Моя подруга Нкойо (наверно, можно было считать ее подругой? Пожалуй, да, однако мне еще не вручили официального уведомления, поэтому я пока пребывала в сомнениях) заняла место впереди, со своей компанией. Она устроилась за лучшим столом, посередине между стеной и очередью, и над ними висели всего две лампы, а ближайший сток в полу находился четырьмя столами дальше. Нкойо стояла и махала нам. Ее было несложно заметить – она надела новенький топ и просторные брюки. То и другое украшали красивые волнистые линии – несомненно, не простые. В первый день нового учебного года все достают очередной комплект одежды. Мой гардероб, к сожалению, испепелился в младшем классе, а Нкойо, очевидно, удалось приберечь кое-какие вещи на выпускной год.

Джовани принес два больших кувшина с водой. Кора проверила периметр.

Так странно было идти к ним по переполненной столовой. Даже если бы они нас не позвали, вокруг оставалось незанятыми много мест, и хороших и плохих. Мне и раньше иногда выпадала возможность выбирать, но это всегда было рискованно – просто я являлась в столовую первая, как правило от отчаяния, после многодневной голодовки. А теперь все шло самым естественным образом. Вокруг толпились ребята из среднего и старшего; большинство я знала если не по имени, то хоть в лицо. Количество моих одноклассников к выпускному классу сократилось примерно до тысячи – из тысячи шестисот. Это звучит ужасно, но обычно до выпуска доживают человек восемьсот. И меньше половины выбирается из школы.

Но в нашем классе учился тот, кто нарушил заведенный порядок, – и он сидел за столом рядом со мной. Едва дождавшись, когда мы с Орионом усядемся, Нкойо выпалила:

– Ну? Все получилось? Вы починили механизм?

– Сколько там было злыдней? – спросила Кора и села, закрывая крышечкой маленький глиняный сосуд, из которого капала зелье по периметру вокруг стола.

По меркам Шоломанчи ничего бестактного в этом не было; они имели полное право расспрашивать, потому что заняли стол. За эту услугу нам следовало расплатиться информацией. Остальные выпускники деловито рассаживались за соседние столы, создавая плотное кольцо безопасности в обмен на возможность послушать; те, кто сидел далеко, вытягивали шеи и прикладывали руки к ушам, в то время как их соседи по столу не спускали глаз с потенциально опасных мест.

Вся школа и так уже знала главное – что мы с Орионом каким-то чудом вернулись живыми после утреннего променада. Но большую часть дня я провела, запершись в комнате, а Орион, как правило, вообще избегал людей, если, конечно, к ним не прилагались злыдни. Поэтому все слухи доходили до наших однокашников через множество уст, а это не такой уж надежный источник сведений для того, кто страстно желает остаться в живых.

Мне вовсе не хотелось воскрешать в памяти недавно пережитое, но я знала, что остальные имеют право знать. И только я могла об этом рассказать. Орион, когда один из нью-йоркских старшеклассников подошел к нему с вопросом, ответил: «Да ничего особенного. Я отогнал злыдней, пока ребята не закончили, а потом нас дернули». Орион не притворялся. Именно так он и относился к нашему утреннему приключению. Убить сотню-другую злыдней в выпуск-

ном зале – подумаешь, обычный будний день. Мне даже отчасти стало жаль Джермена – с тем же успехом он мог беседовать с кирпичной стеной.

– Злыдней было много, – сухо ответила я Коре. – Битком набито. И все они хотели жрать. Кора прикусила губу и кивнула. Я повернулась к Нкойо.

– Мастера считали, что у них все получилось. Им понадобился час – и одна смена в процессе. Искренне надеюсь, что они не схалтурили.

Нкойо тоже кивнула. Она слушала, сосредоточенно наморщив лоб. Вопрос был вовсе не праздный. Если мы действительно починили оборудование, те самые механизмы, которые дважды в год проводили очищение на верхних ярусах, выжигая злыдней в коридорах и аудиториях, работали и в выпускном зале; вероятно, они уничтожили немало крупных и опасных чудовищ, которые ожидали ежегодного пира. Не исключено, что большинство выпускников выбрались живыми. А значит – и это главное – у большей части *нашего* класса тоже есть шанс вырваться.

– Думаешь, они вышли живыми – Кларита и все остальные? – спросил Орион, хмуро глядя на подгоревшее месиво из мяса и картошки, в которое он превратил блюдо, называемое в школе запеканкой. В скверные дни в ней попадались и человеческие фрагменты. В любом случае она была еще горячая и дымилась.

– Выясним в конце года, когда придет наша очередь, – сказала я.

Если нам не удалось починить механизм, значит, выпускники влетели в голодную и разъяренную толпу злыдней, и, вероятно, большинство погибло, не успев добраться до двери. А нашему классу предстоит на протяжении трехсот пятидесяти шести дней с удовольствием вести обратный отсчет. Какая приятная мысль. Обращаясь не только к Ориону, но и к себе, я добавила:

– А поскольку раньше времени мы ничего не узнаем, незачем ломать голову. Так что перестань кромсать запеканку. Меня это бесит.

Он вздохнул и вместо ответа драматическим жестом сунул в рот полную ложку. Вкус еды напомнил Ориону, что он хронически недоедает, и он энергично принялся очищать тарелку.

– А если все получилось, на сколько этого хватит? – спросила приятельница Нкойо, девочка из нигерийского анклава, которая села с краю, чтобы послушать.

Еще один хороший вопрос, на который у меня не было ответа – я ведь не мастер. Работа велась за моей спиной, переговоры шли на китайском, которого я не знаю... и большинство слов, которые произносили мастера, по ощущениям, были матерными. Орион не знал и того – он стоял впереди и десятками истреблял злыдней.

За меня ответила Аадхья:

– Когда манчестерский анклав чинил механизм в выпускном зале, этого хватало на два года, иногда на три. Думаю, после нас продержится хотя бы год... ну, может, два.

– Но... но не больше, – негромко произнесла Лю, глядя на кузенов, которые сидели за своим столом вместе с Аароном и Памилой – девочкой, принесшей письмо для Аадхьи. Вокруг теснилась густая толпа других новичков. Как правило, такого общества удостаиваются только ребята из анклавов. Я удивилась, а потом поняла, что знакомство с великим героем Орионом заставило и их сиять отраженным светом. До меня дошло, что, возможно, отчасти дело и в знакомстве со мной: для младших я была не угрюмой отщепенкой, а могучей выпускницей, которая побывала внизу.

Честно говоря, уже ни для кого я не была угрюмой отщепенкой. Мы с Аадхьей и Лю заключили союз, причем сделали это одними из первых. Человек, который мог выбирать, пригласил меня за безопасный стол. Я завела друзей. Это казалось чудом, как и то, что я вообще дотянула до выпускного класса. Всем вышеперечисленным, от начала до конца, я была обязана Ориону Лейку, и, честно говоря, меня не волновало, какую цену придется заплатить. Платить,

несомненно, придется. Мама не стала бы тревожиться попусту. Но я ничего не желала знать. Я думала, что заплачу, какой бы счет ни выставили.

И как только я дошла до этой мысли, то перестала волноваться из-за маминой записки. Я даже перестала жалеть, что получила ее. Мама была обязана это написать, потому что совсем не знала Ориона; она должна была меня предупредить, если боялась, что ради него я могу ступить на дурной путь. Я чувствовала немеркнущую мамину любовь и дорожила ей – и в то же время была вольна решать за себя. Я сунула пальцы в карман и нащупала последний обрывок записки, который сохранила, – клочок со словом «смелости». Я съела его вечером, перед сном, когда лежала на своей узкой кровати на нижнем этаже Шоломанчи. Мне приснилось, что я снова стала маленькой и бегаю по полю, поросшему высокой травой и лиловыми колокольчиками, а мама смотрит на меня и радуется моему счастью.

На следующее утро приятное тепло продлилось ровно пять секунд – столько времени мне потребовалось, чтобы окончательно проснуться. В большинстве школ за концом семестра следуют каникулы. Ну а здесь утром происходит выпуск, вечером появляются новички, ты поздравляешь себя и выживших друзей с удачей, и на следующий день все начинается сначала. В общем, Шоломанча – не то место, где хочется проводить каникулы.

В первый день нового учебного года мы все отправляемся в новую аудиторию и узнаем расписание. Я по-прежнему чувствовала себя скверно – полузажившей ране на животе не идет на пользу заклинание-крюк, которое мотает тебя по всей школе. Я нарочно поставила будильник, чтобы он разбудил меня за пять минут до официального подъема, поскольку не сомневалась, что моя аудитория окажется у черта на рогах. И, разумеется, когда под дверь, без одной минуты шесть, просунули полоску бумаги, я увидела номер 5013 и гневно воззрилась на него. Выпускникам редко доставались классные аудитории выше третьего этажа – можете представить себе, как я обрадовалась; впрочем, это была всего лишь классная комната, и я не сомневалась, что занятия наверху проходить не будут. Насколько я знала, на пятом этаже учебных аудиторий не было вообще – его целиком занимала библиотека. Вероятно, школа решила запихнуть меня вместе с горсткой других неудачников в какую-нибудь дальнюю картотеку.

Я даже зубы не стала чистить, просто пополоскала рот водой из кувшина и пустилась в путь, в то время как другие выпускники еще только брели умываться. Я не стала искать попутчиков – нетрудно было догадаться, что их не будет, во всяком случае среди знакомых. Я помахала Аадхье, когда та вышла из своей комнаты с кувшином для умывания, направляясь к комнате Лю; она кивнула в ответ, все мгновенно поняв, и подняла большой палец в знак поощрения. Мы, к сожалению, знаем, сколько риска таит долгий путь к классной комнате, а выпускникам приходится ходить дальше всех.

Спускаться было некуда; вчера рекреация выпускников уехала вниз, в зал, а наша заняла ее место на нижнем этаже. Я очень осторожно миновала мастерские – да, вчера прошло очищение, но все-таки не стоит первой поутру заходить на учебный этаж, – а потом двинулась наверх по пяти крутым лестничным пролетам.

Все они казались вдвое длиннее обычного. Расстояния в Шоломанче – вещь условная. Они порой становятся мучительно долгими, почти бесконечными, в зависимости от того, насколько ты торопишься. От того, что я вышла пораньше, толку было немного. Я не видела ни души, пока, пытая, не добралась до этажа среднеклассников – там первые пташки уже начали небольшими стайками выпархивать на лестницу. В основном это были алхимики и мастера, которые надеялись занять хорошие места в мастерских и лабораториях. Когда я добралась до этажа младшекласников, навстречу уже валил обычный поток, но, поскольку это были новички, которые лишь вчера попали в школу и понятия не имели, куда идти, они мне здорово мешали.

Во время мучительного подъема меня утешала лишь мысль о кристалле маны, который я крепко сжимала в кулаке. Рана на животе пульсировала, мышцы ног горели, но с каждым шагом сияние, пробивавшееся меж пальцев, делалось ярче; и я наполнила кристалл на целую четверть к тому времени, когда вошла в абсолютно пустой читальный зал.

Мне очень было нужно отдышаться, но, едва я остановилась, внизу ударил колокол, извещающая, что до начала занятий пять минут. Бродить среди шкафов в поисках аудитории, в которой я раньше никогда не была, значило наверняка опоздать, поэтому я неохотно потратила часть добытой с таким трудом маны на заклинание поиска. Оно немедленно направило меня в самую темную часть библиотеки. Я без особой надежды оглянулась на лестницу и, естественно, никого не увидела.

И причина стала абсолютно ясна, когда я наконец нашла нужную аудиторию, которая крылась за деревянной дверью, почти не различимой меж двух больших шкафов, полных старинных пожелтевших карт. Я открыла дверь, ожидая увидеть нечто ужасное – и воистину увидела. Восемь младшеклассников разом обернулись и уставились на меня, как несчастные маленькие оленята на грузовик.

Хоть бы один среднеклассник для разнообразия!

– Да вы издеваетесь, – с отвращением сказала я, прошла в первый ряд и села на лучшее место, четвертое с краю.

Мне никого не понадобилось прогонять, потому что передний ряд почти сплошь пустовал, как в начальной школе, где дети боятся, что их примут за подлиз. Но здесь единственными учителями были злыдни. Любимчиков они не заводили – их интересовали исключительно живые закуски.

Парты в классе были настоящие эдвардианские, то есть древние, слишком маленькие для человека ростом под метр восемьдесят, адски неудобные, сделанные из кованого железа – то есть в случае необходимости их не удалось бы быстро сдвинуть. На моей парте едва умещался лист бумаги стандартного размера. Сто двадцать лет назад ее поверхность была идеально отполирована, однако с тех пор парту исписали и изрисовали в три слоя. Ученикам хотелось излить душу хоть где-то. Кто-то покрыл Г-образную поверхность парты надписями «выпустите меня», сделал красными чернилами аккуратную рамочку. Другой обвел слова желтым фломастером.

В переднем ряду кроме меня сидела только одна девочка, и она тоже заняла хорошее место – шестое с другого конца. Очень разумный поступок – сесть подальше от двери; правда, в двух местах позади нее находилось вентиляционное отверстие в полу. Какой-то недоумок бросил на него рюкзак, а значит, догадаться об этом отверстии можно было, только заметив три других. Девочка смотрела на меня, как будто ожидала, что я пинком прогоню ее с места. Возраст имеет свои привилегии, и выпускники, не стесняясь, ими пользуются. Когда я заняла *настоящее* лучшее место, она оглянулась, поняла свою ошибку, быстро взяла рюкзак, подошла ко мне, указала на соседнюю парту и с волнением спросила:

– Тут занято?

– Нет, – раздраженно ответила я.

Я злилась, потому что с моей стороны было благоразумно посадить ее рядом (увеличить количество мишеней вокруг – значит повысить собственные шансы), но мне не хотелось заслоняться новичками. Несомненно, это была девчонка из анклава. Нечто вроде крепления для щита на запястье, обманчиво неприметное кольцо на пальце – почти наверняка артефакт для распределения маны... Кроме того, ее явно учили тому, как выжить в школе – в том числе, как найти лучшее место в классе, даже в самый первый день, когда ты, ошеломленный, забывший родительские советы, просто жмешься к одноклассникам, как зебра, которая ищет спасения в стаде. Кроме того, учебник по математике у девочки был на китайском, но по-английски она говорила без малейшего акцента. Непростая задача даже для тех, у кого китайский или английский – родной, но, судя по надписи на тетради, девочка была тайкой. Вероятно, она с

раннего детства занималась иностранными языками с самыми дорогими учителями, которых только мог нанять анклав. Я не сомневалась, что она вот-вот повернется и скажет остальным ребятам, что они сидят на плохих и опасных местах. Тогда будет ясно, каков порядок: она выше, они ниже. Я удивлялась, что она до сих пор этого не сделала.

И тут один из сидевших позади ребят робко сказал: «Привет, Эль», и я узнала кузена Лю. – Меня зовут Го И Чжэнь, – произнес он.

Накануне я была абсолютно уверена, что больше не увижу новичков, с которыми познакомилась в столовой, разве что по чистой случайности, потому и не удосуживалась запоминать имена. Ученики разных классов пересекаются редко – так уж устроены наши расписания. Выпускники почти все время проводят на нижних ярусах, а у новичков более безопасные аудитории наверху. Если младшеклассник регулярно околачивается там, где собираются выпускники, он просто напрашивается на то, чтоб его сожрали, и какой-нибудь злыдень непременно это сделает.

Но, с другой стороны, если в пределах досягаемости находится старший ученик, лучше держаться к нему поближе. Чжэнь, собрав вещи, устремился ко мне – и хорошо, потому что до тех пор он сидел почти у самой двери.

– Можно мне сесть рядом?

– Садись, – ответила я.

Против Чжэня я не возражала. То, что Лю была моей союзницей, не давало ее мелкому кузену права претендовать на меня, но он в этом и не нуждался. Лю была моей подружкой.

– Посматривай за отдушинами, даже в библиотеке, – добавила я. – И не садись слишком близко к двери.

– Ой. Да. Я просто... – начал он, оглядываясь на остальных.

– Я тебе не мамочка, – перебила я намеренно грубо: тот, кто внушает новичкам, что здесь есть герои (оставим пока Ориона Лейка), оказывает им плохую услугу. Я не могла вечно спасать Чжэня, мне нужно было думать о себе. – Не надо объяснений. Я тебя предупредила. Хочешь – слушай, хочешь – нет.

Он смущенно замолчал.

Конечно, Чжэнь правильно делал, держась ближе к остальным – зебры не без причины пасутся стадами. Но не стоит позволять другим зебрам выталкивать тебя на опасное место. Неудачники усваивают этот урок, когда лев сжирает их. Лично мне хватило, когда я увидела, как лев жрет другого, одного из школьных изгоев, который все же был рангом повыше меня, и поэтому ему позволили сесть с краю, между дверью и крутыми ребятами.

И Чжэнь напрасно позволил спихнуть себя на край, потому что он-то был из тех, кто покруче, ну или близко к тому, если не считать девчонку из тайского анклава. Все знали, что семья Лю вот-вот создаст собственный анклав. У них такой большой клан, что Лю досталась целая коробка ношеной одежды, когда она пришла в школу, и сама она дала Чжэню и его брату-близнецу Миню по пакету вещей, а остальное обещала в конце года. В анклав они не входили, однако не были и неудачниками. Но сейчас Чжэнь вел себя не как ученик Шоломанчи, а как самый обыкновенный человек.

Остальные меж тем загудели. Пока мы с Чжэнем разговаривали, на наших партах сами собой появились расписания. Все как обычно: ты на секунду отводишь взгляд, а когда смотришь на парту, на ней уже лежит листок. Если попытаешься схитрить и будешь смотреть на парту не моргая, чтобы заметить момент появления листка, школа подстроит какую-нибудь неприятность, чтобы тебя отвлечь – например, выключится свет, или сосед толкнет твой стул, или в шутку закроет тебе глаза ладонью. Нужно очень много маны, чтобы показать человеку тот тип волшебства, в который он инстинктивно не верит; прогибать приходится не только окружающий мир, но и чужую психику. В том числе по этой причине волшебники, как правило, не творят настоящую магию в присутствии заурядов. Это адски трудно. Разве что ты

замаскируешь ее под фокусы или будешь колдовать в присутствии людей, которые изо всех сил стараются тебе поверить. Примерно так действуют мамины натуральные лечебные средства на обитателей коммуны.

Опять-таки, хоть мы и волшебники, мы все-таки не ожидаем, что предмет возьмет и появится из ниоткуда. Мы знаем, что этого можно добиться, поэтому нас не так сложно убедить, но, с другой стороны, нам хватает маны, чтобы бороться с убеждением. А потому школе гораздо дешевле обходится подсунуть листок на парту, пока ты смотришь в сторону – как будто его кто-то просто положил – чем показывать тебе, как расписание возникает из ничего.

Чжэнь уже вытягивал шею и пытался заглянуть в листок девочки из анклава. Я вздохнула и ворчливо сказала ему:

– Иди сядь рядом с ней.

Мне это не нравилось, но мое мнение не играло никакой роли. Подольститься к человеку из анклава – хорошая идея. Чжэнь слегка поморщился, как будто устыдившись; несомненно, мама разъяснила ему и это. Но затем он встал, подошел к тайке и представился.

Надо отдать ей должное, она вежливо склонила голову и жестом предложила ему сесть рядом. Обычно, чтобы подружиться с членом анклава, подлизываться нужно куда энергичнее. Но, видимо, до сих пор Чжэню еще не приходилось ни с кем соперничать. Несколько ребят встали позади него, и все принялись сравнивать расписания. Девочка из анклава уже изучала свой листок, очень быстро – судя по всему, она прекрасно знала, что делать. Она начала показывать его другим и что-то объяснять. Я решила потом заглянуть в расписание Чжэня, просто на тот случай, если тайка небескорытна в своей любезности.

Но сначала нужно было заняться собственным расписанием... и одного взгляда хватило, чтобы понять, что я попала. Я давно знала, что в выпускном классе у меня будет два семинара – такую цену приходится платить тем, кто решает специализироваться по заклинаниям и старается в течение первых трех лет проводить на нижних этажах минимум времени. Но в итоге меня записали аж на четыре семинара – или пять, если считать за два чудовищный интенсив под незамысловатым названием «Санскрит, продвинутый уровень», стоявший первой парой каждый день. Примечание гласило, что это зачтется мне в качестве курсовой работы по санскриту и арабскому – но какой смысл, если, конечно, нам не предстояло изучать средневековые арабские переводы санскритских рукописей вроде той, что я обнаружила в библиотеке две недели назад. Это была узкоспециальная область. Мне повезет, если в аудитории со мной будут еще хоть три человека. Я гневно уставилась на строчку, возглавлявшую мое расписание. Я-то рассчитывала получить стандартный семинар по санскриту, читаемый на английском; это значило оказаться в одной из больших семинарских аудиторий, в обществе десятка мастеров и алхимиков, которые изучали санскрит в рамках занятий иностранным языком.

И уладить дело я не могла, поскольку рядом не было ни одного ученика выпускного класса. Обычно двое-трое таких же изгоев, как я, неохотно давали мне заглянуть в их листки в обмен на позволение заглянуть в мой; в результате я получала один-два предмета, который впихивала в свое расписание в попытке вынудить школу изменить самые неудачные пункты. Позволяется менять до трех предметов; если ты выполняешь все требования, школе придется подгонять к ним остальное расписание, но если ты не знаешь, какие предметы вообще есть, остается играть вслепую – и ты с гарантией проиграешь.

Продвинутого санскрита хватило бы, чтобы испоганить все расписание, но, кроме того, я получила два убийственных семинара – алгебру и приложения к заклинаниям, которые должны были считаться за иностранный язык (без уточнений). Наверняка это значило, что я буду получать уйму первоисточников на разных языках без перевода. Еще мне достался расширенный курс по истории и математике. Других курсов по математике у меня не было, так что вряд ли удалось бы его спихнуть. И еще этот паршивый семинар, который я, честно говоря, ожидала – «Общие протоиндоевропейские корни в современных чарах», который считался одновременно

за литературу, латынь, современный французский, современный валлийский, древне- и среднеанглийский. И я сразу же поняла, что уже через пару недель на меня градом посыплются старофранцузские и древневаллийские заклинания.

Все свободное место отводилось под практические занятия в мастерской, и я могла бы потребовать полного освобождения, поскольку в прошлом семестре сделала волшебное зеркало, которое по-прежнему изрекало в мой адрес мрачные пророчества (мне пришлось повернуть его лицом к стене). А еще меня записали на продвинутую алхимию, и график был совершенно безумный – на одной неделе занятия по понедельникам и четвергам, на другой по вторникам и пятницам. Каждый раз я буду оказываться в аудитории с разными людьми. Очень сложно в таких условиях найти тех, кто готов помочь – что-нибудь поддержать или покараулить вещи, пока я схожу за инструментами.

Честно говоря, такого скверного расписания для ученика выпускного класса я до сих пор не видела. Даже ребята, которые рассчитывали на выпуск с отличием, не получали целых четыре семинара. Зато, как будто школа решила подсластить пилюлю, вечер в среду был у меня практически свободен. Расписание гласило «индивидуальные занятия» – обычное время на самоподготовку, которое нам всем дается после обеда, с той разницей, что заниматься мне полагалось в определенной аудитории.

Здесь.

Я устала на листок с глубочайшим и нестихающим подозрением, пытаюсь как-то осмыслить происходящее. Целый свободный вечер в библиотеке и официально зарезервированное место, за которое не придется бороться. Ни материалов, ни контрольных, ни заданий. Этого пункта хватило бы, чтобы превратить мое расписание в лучшее на свете. За него стоило поторговаться. Я боялась, что не успею восстановить ману, потраченную в прошлом семестре; но если раз в неделю у меня будет утроенное количество свободного времени, до выпуска я вернусь в форму.

Где-то наверняка таилась чудовищная ловушка, но я пока понятия не имела где.

Я встала, ткнула Чжэня в плечо и велела:

– Пригляди за моими вещами. Я осмотрю класс. А если вы хотите знать, как это делается, наблюдайте за мной, – добавила я, и все тут же повернулись ко мне.

Я начала с вентиляционных отверстий и убедилась, что решетки крепко прикручены; я зарисовала их расположение на листке бумаги, на тот случай, если какая-нибудь необычайно умная тварь решит заменить одну из них. Я пересчитала все парты и стулья и заглянула под каждый предмет мебели; выдвинула все ящики в шкафу у дальней стены, открыла все дверцы и посветила внутрь фонариком; отодвинула шкаф от стены и убедилась, что нигде нет дыр. Я осветила фонариком пол по периметру, ища подозрительные отверстия, простучала стены на высоте собственного роста, закрыла и открыла дверь... теперь я могла с достаточной уверенностью сказать, что аудитория вполне безопасна.

Разумеется, злыдни могли проникнуть в нее самыми разными способами – через отдушины, в щель под дверью, сквозь стену. По крайней мере, в этот класс они не попали бы, свалившись с потолка, потому что потолка в нем не было. В Шоломанче вообще нет крыши. Когда волшебная школа торчит в пустоте, крыша не нужна. Стены библиотеки просто уходили ввысь, пока не терялись во мраке. Где-то там они наверняка заканчивались. Но проверять я бы не полезла.

Короче говоря, в аудитории злыдней не было, и никаких очевидно уязвимых мест я не нашла. Так что же школа имела в виду, щедро даровав мне целый свободный вечер?

Я вернулась на место и устала в расписание. Конечно, я понимала, что свободный вечер – это сыр в мышеловке... но сыр был очень вкусный, и мышеловка симпатичная. Я не могла гарантировать себе ни одной хорошей замены, поскольку не знала, какие предметы достались другим. Если я подпишусь, скажем, на обычный курс санскрита в надежде изба-

виться от чудовищного интенсива, то, даже если школа действительно меня от него избавит, у нее будет повод вкатить мне по средам курс арабского. Если я попытаюсь взять что-нибудь незначительное, например занятия в мастерской вечером в четверг, в среду, несомненно, мне впишут занятия в алхимической лаборатории, да еще что-нибудь в пятницу. Как бы я ни поступила, я лишилась бы единственной приятной вещи в своем расписании – и не факт что получила бы адекватную замену.

– Дай-ка посмотреть, – без особой надежды сказала я Чжэню.

Есть плюс в том, чтобы оказаться в компании новичков: они кротко вручили мне свои листки, не попросив даже об ответной услуге, и я перебрала всю пачку в поисках предметов, которые могла бы взять. Но тщетно. Я никогда и не слышала, чтобы новичку достался предмет, который мог бы пригодиться выпускнику. У всех были стандартные «введение в мастерство», «введение в алхимию» – и девочка из анклава благоразумно посоветовала однокашникам перенести эти занятия на первую половину дня во вторник и среду (лучшее время, какое может достаться младшекласснику, поскольку старшие занимают все вечера) – «введение в изучение злых чар» (о, как порадуются злыдни)... а остальные предметы – литература, математика и история. За одним возмутительным исключением: самостоятельные занятия у них всех также стояли в среду, здесь, со мной. Вот везучие сопляки. Ни один этого, похоже, не оценил.

Я обреченно поставила подпись внизу листка, даже не пытаясь ничего изменить, а потом подошла к массивному старому секретеру, осторожно приподняла крышку – сегодня там никого не было, но это вопрос времени – и сунула расписание внутрь. В большинстве аудиторий есть специальное место для сдачи бумаг – прорезь, через которую те якобы отправляются по пневматическим трубам в некий центральный архив, однако трубы вышли из строя еще в начале прошлого века, и их просто заменили передающими заклинаниями. Все, что нужно сделать, – это отодвинуть свою контрольную в сторонку, и школа ее заберет. Я напоследок посмотрела на расписание, сделала глубокий вдох и закрыла крышку.

Я не сомневалась, что пойму свою ошибку сразу же после завтрака, когда отправлюсь на интенсив, но я ошиблась. Я все поняла меньше чем через пятнадцать минут, не успев даже выйти из класса.

Согнувшись и скрипя зубами, я трудилась над перепутанным вязанием, потому что хотела до завтрака собрать в кристалл побольше маны. Мысленно я уже прикидывала, какие чудовищно монотонные упражнения можно будет проделывать в этой аудитории, когда рана заживет, – от всей души ненавижу физкультуру, а потому она особенно полезна для сбора маны. Места в классе было немного, и мебель двигать не стоило. Придется качать пресс, улегшись на две парты. Плевать. Зато каждые две недели я буду наполнять по кристаллу.

Тем временем новички собрались у доски и весело болтали, как будто беспокоиться было абсолютно не о чем. Все говорили по-китайски, считая юного индуса и двух русских ребят – друг с другом они, разумеется, говорили по-русски, но в общую беседу включились без труда. Очевидно, все они заранее учили китайский – такие предметы, как математика и история, в школе преподают только на английском или на китайском.

Я изо всех сил старалась не обращать внимания на их болтовню, но получалось не особо. Когда изучаешь массу иностранных языков, мозгу начинает казаться, что ты чего-то не понимаешь, лишь потому что не стараешься; а если хорошенько прислушаться, все получится. Я могла как минимум целую четверть не бояться нового языка, поскольку Шоломанча осчастливила меня арабским меньше месяца назад. Но два часа каждую среду сидеть в классе с кучей мелюзги, которая треплется по-китайски, неизбежно значило, что я начну получать заклинания и на китайском.

Ну разве что их всех сожрут до конца месяца, что было вполне вероятно. Как правило, первая неделя семестра проходит тихо, а потом, когда у младшеклассников возникает ложное чувство безопасности, из укромных мест начинают выползать первые злыдни, не говоря уж об

орде свежевылупившихся, которые разными способами пытаются пробраться с первого этажа наверх.

Конечно, всегда найдется упорный трудяга. Например, детеныш сумчатой гадюки, который тихонько пробрался в вентиляцию. Он, вероятно, вытянулся в нитку, чтобы просочиться сквозь защитные заклинания в воздуховоде; притворившись безобидной струйкой жидкости, он проник через решетку и свернулся на полу, за одним из брошенных рюкзаков. Возможно, возвращаясь в исходный вид, он хлюпал, но болтовня младшеклассников заглушала все звуки, а я расслабилась, потому что в кои-то веки оказалась самой непривлекательной мишенью в аудитории. Никакой злыдень не выбрал бы в этой толпе меня. Я уже начала думать, что школа подарила мне убежище.

И тут один из новичков заметил тварь и громко заорал. Я даже не стала интересоваться, что они там такое обнаружили; я вскочила, взяла рюкзак и была уже на полпути к двери, когда заметила гадину, уже полностью надувшуюся, которая витала над четвертым рядом парт, словно ярко-красный воздушный шар, на который брызнули синей краской. Трубки, в которых таились отравленные иглы, начали раздуваться. Ребята дружно вопили и цеплялись друг за друга, сбившись в кучу за большим столом. Классическая ошибка. Сколько времени они намерены там сидеть? Сумчатая гадюка никуда не денется; как только они высунутся из-за стола, она нанесет удар.

Это, разумеется, была не моя проблема; если малолетки не справятся своими силами, то в первый же учебный день им не удастся выбраться из аудитории – значит, они бы в любом случае долго не протянули. Я-то тут при чем? Школа напиговала мое расписание опасностями, и у меня истощился запас маны. Мне нужно было использовать каждую свободную минуту для сбора маны, чтобы как-то возместить потерю. Я не могла тратить энергию на незнакомых новичков, чья судьба меня совершенно не волновала.

За одним исключением. Пинком отворив дверь, я повернулась и крикнула: «Чжэнь! Бегом отсюда!», и он выскочил из-за стола и бросился ко мне. Остальные, возможно, не все меня поняли, но им хватило ума последовать за ним – а большинству хватило ума бросить рюкзаки. Кроме девчонки из анклава. Несомненно, даже если бы она потеряла вещи, ей было достаточно попросить у старших ребят из своего анклава... но она нагнулась за рюкзаком и в результате оказалась последней. Тем временем гадюка достаточно надулась, вытаращила глазки и начала прицеливаться. Все, кроме тайки, уже выскочили в коридор. Тварь была не больше футбольного мяча; недавно вылупившись, она, видимо, сразу решила перекусить.

Я собиралась выскочить в коридор, спасая свою шкуру. Так и следовало поступить; именно так я и поступала бесчисленное множество раз в прошлом. Правило номер один: если что-то случилось, беспокойся только о том, чтобы унести ноги. Это не эгоизм. Если попытаешься вытащить других, то погибнешь – и, скорее всего, в процессе помешаешь остальным принять меры для собственного спасения. Если у тебя есть союзники или друзья, лучше помоги им заблаговременно. Поделись маной, дай полезное заклинание, сделай для них какой-нибудь артефакт или зелье, которым они воспользуются в трудную минуту. Но тот, кто не в состоянии своими силами отбиться от злыдня, не выживет в школе. Все это знают, и исключение составляет только Орион. Но он круглый идиот.

Впрочем, я не выбежала в коридор. Я стояла на пороге, пропуская вперед себя всю компанию младшеклассников. Гадюка порозовела, готовясь плюнуть ядом в тайку, и стремительно повернулась к двери – в то самое мгновение, когда Орион, к слову об идиотах, ворвался в аудиторию. Через две секунды он бы погиб, напигованный ядовитыми иглами.

Но я уже колдовала.

Я использовала сложное древнеанглийское заклинание. Возможно, во всем мире никто, кроме меня, им не владеет. В среднем классе, едва начав учить древнеанглийский, я наткнулась на трех выпускников, которые загнали в угол среди библиотечных шкафов старшеклассницу.

Еще одна школьная неудачница вроде меня, с той разницей, что со мной парни не рисковали шутить. Очевидно, аура будущей темной колдуньи их отпугивает. Я, пятнадцатилетняя девчонка, прогнала поганцев одним своим появлением. Они улизнули, девчонка заспешила в другую сторону, а я, все еще кипя гневом, схватила с полки первую попавшуюся книгу. Мне досталась небольшая хрупкая стопка самодельных листков, полных рукописных проклятий, которые сочинила какая-то очаровательная особа примерно тысячу лет назад. Страницы открылись на одном конкретном заклинании, и я запомнила его, прежде чем захлопнула книжечку и сунула ее обратно на полку.

Большинству людей приходится долго учить заклинания, прежде чем они улягутся в голову. Мне тоже – если это нечто благое. Но если я получаю заклинание, предназначенное для того, чтобы разрушать города, уничтожать целые армии, подвергать людей страшным пыткам – или, например, превратить определенную часть мужской анатомии в полный боли комок, – достаточно одного взгляда на страницу.

Никогда раньше я не использовала это заклинание, но сработало оно идеально. Сумчатая гадюка немедленно сжалась до размеров желудка. Она рухнула на пол, некоторое время барахталась на решетке вентиляции, а потом провалилась в нее, как мраморный шарик в сливное отверстие. И с ней улетела вся утренняя порция маны.

Орион замер на пороге и посмотрел гадюке вслед, постепенно приходя в себя. Он собирался швырнуть в нее огнем – это уничтожило бы тварь, а заодно и нас троих вместе со всей аудиторией, поскольку внутренние газы сумчатой гадюки легко воспламеняются. Девочка-тайка бросила на меня перепуганный взгляд и выскочила в коридор, хоть бежать уже было незачем. Орион некоторое время смотрел ей вслед, а потом повернулся ко мне. Я бросила унылый взгляд на потускневший кристалл для маны – да, он совершенно опустел.

– Что ты вообще тут делаешь? – раздраженно спросила я, проталкиваясь мимо Ориона и направляясь к лестнице.

– Ты не пришла на завтрак, – сообщил он, нагоняя меня.

Вот так я узнала, что в библиотечной аудитории не слышно колокола. Иными словами, я могла либо пропустить завтрак, либо опоздать на первое занятие сложнейшего семинара – и ручаюсь, некому было бы передать мне задание.

Скрипнув зубами, я зашагала к лестнице.

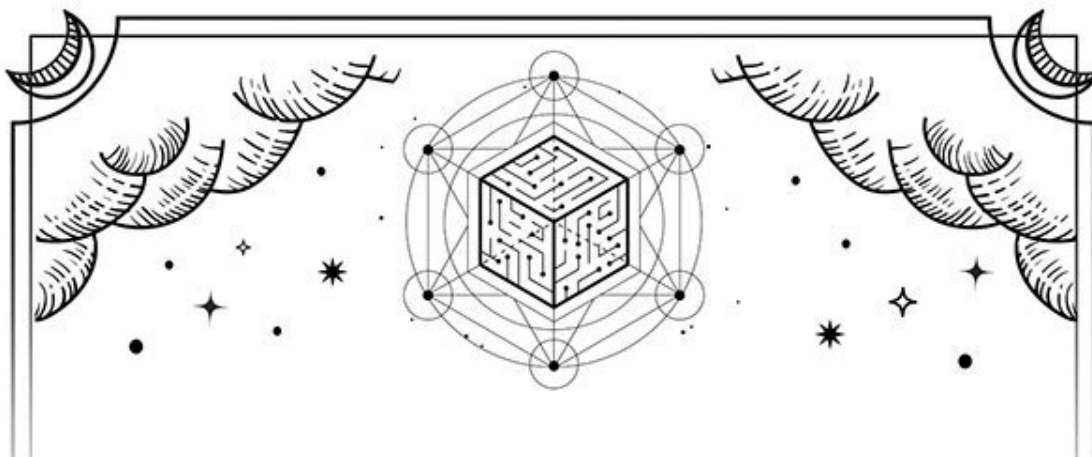
– Все хорошо? – спросил Орион, хотя вообще-то это я спасла его.

Видимо, он считал иначе.

– Нет, – с горечью ответила я. – Я дура.

Глава 2

Подушки

В течение следующих двух недель проблема окончательно обрисовалась. За мной не стоял анклав. В отличие от Ориона, у меня не было безграничного запаса маны, чтобы совершать благородные подвиги. Даже наоборот, поскольку я одним махом потратила почти половину маны, которую скопила за три года. Небезуспешно, поскольку я уничтожила чреворота; поскольку я надеялась никогда больше этого не повторять, скоро запас должен был восстановиться... но кого волновали мои мотивы? У меня был продуманный график сбора маны во время обучения в школе – и все пошло прахом.

Мои надежды на удачный выпуск тоже разлетелись бы вдребезги, не найди я сборника заклинаний. Фазовое заклинание Золотого камня ценится так высоко, что Аадхья устроила среди прошлогодних выпускников аукцион, который принес мне уйму маны (а кроме того, еще и пару слегка поношенных кедов). Аадхья намеревалась провести еще один аукцион, среди наших одноклассников. Если повезет, пустых кристаллов у меня будет всего семь, а не девятнадцать. Но все равно брешь была ощутимая – а к моменту выпуска мне предстояло наполнить еще как минимум тридцать штук.

Для этого я и намеревалась использовать свободные вечера сред. Ха-ха. Юная гадюка оказалась лишь первой в череде злыдней, которых неудержимо влекло в нашу аудиторию в библиотеке. Злыдни пытались прыгнуть на нас, когда мы заходили. Они прятались в темном уголке и нападали, когда мы отвлекались. Они вылезали из отдушин. Таились под крышкой секретера. Ждали, когда мы будем выходить. Я могла избежать занятий китайским, не прилагая к тому никаких усилий. Всю компанию младшеклассников истребили бы за две недели.

В конце первого занятия на стене в буквальном смысле кровью было написано, что я размазала по классу вилланиргу – содержимое ее брюха, внутренности и так далее. Когда мы все, более или менее забрызганные, отправились ужинать, я подавила раздражение и сказала Сударат – девочке из тайского анклава, – что если она хочет помощи, пускай поделится маной.

Она покраснела, пошла пятнами и, запинаясь, выговорила:

– Я... у меня... – а потом расплакалась и бегом бросилась к лестнице.

Чжэнь спросил:

– Ты не слышала про Бангкок?

– Чего я не слышала про Бангкок?

– Бангкокского анклава больше нет. Что-то его уничтожило буквально накануне поступления.

Я уставилась на него. Весь смысл анклавов в том, что их нельзя уничтожить!

– Как? Что?

Он беспомощно пожал плечами.

– Все в курсе про Бангкок? – спросила я за ужином, удивляясь, что пропустила такую важную новость, но оказалось, что никто ничего не знал. Одна только Лю кивнула и ответила:

– Да, слышала.

– Что случилось? – поинтересовалась Аадхья.

– Бангкокский анклав погиб, – сказала я. – Его больше нет.

– Что?! – воскликнула Хлоя и подскочила, так что апельсиновый сок вылился на поднос.

Она сама попросилась сесть с нами, причем очень вежливо, отнюдь не намекая, что она оказывает нам честь своим присутствием. Поэтому я сквозь зубы повторила:

– Бангкокский анклав погиб.

Хлоя отмахнулась.

– Да ну, вранье.

Лю покачала головой.

– Это подтвердила одна девочка из Шанхая. Родители передали ей новость с младшей сестрой.

Хлоя застыла со стаканом в руке. Неудивительно, что она так испугалась. Анклавы не схлопываются без причины; если анклав подвергся такому удару, что не выстоял, это был верный знак разразившейся войны кланов, и Нью-Йорк имел все шансы угодить в самый эпицентр. Но когда Хлоя в третий раз за пять минут потребовала у нас с Лю подробностей, я ответила:

– Расмуссен, мы не знаем *ничего*. Это *ты* можешь что-то выяснить – ваши новички наверняка знают больше нашего.

Хлоя попросила: «Последите за подносом», встала и отправилась к столу, где сидели нью-йоркские младшеклассники. Сведений оказалось мало – большинство новичков понятия не имели о случившемся. Сударат оказалась *единственным* новичком из Бангкока, прибывшим в школу в этом году, и ее старшие соотечественники держали язык за зубами.

Все не на шутку встревожились. Даже когда анклав сильно поврежден и вот-вот обрушится, обычно мирные обитатели успевают спастись.

К концу ужина стало ясно, что никто ничего не знает. Во-первых, мы здесь и так почти ничего не знаем, поскольку все новости о внешнем мире приносят раз в год смертельно перепуганные малолетки. Но рухнувший анклав – это серьезно... и даже шанхайцы ничего не знали. Шанхай некогда помог Бангоку основать анклав – последние тридцать лет он финансировал создание новых азиатских анклавов и вовсе не случайно жаловался, что непропорционально большое количество мест в Шоломанче достается европейцам и американцам. Если кто-то уничтожил бангкокский анклав, намереваясь атаковать Шанхай, шанхайские новички получили бы недвусмысленный наказ сплотиться с бангкокцами.

С другой стороны, если бы бангкокский анклав погиб по собственной небрежности – это случается время от времени, когда маги зарываются, втайне изобретая новое оружие, – шанхайцы наверняка получили бы наказ не помогать бангкокцам. А вместо этого они просто держались настороженно. Иными словами, даже их родители знали не больше, чем мы. А если о случившемся не знали даже члены шанхайского анклава, значит, не знал никто.

Ну, не считая того, кто уничтожил анклав Бангкока. И это не упрощало дела: если кто-то планировал косвенную атаку на Шанхай, то первым кандидатом был Нью-Йорк. Вряд ли какой-нибудь другой анклав мог бы это устроить как минимум без молчаливого одобрения ньюйоркцев. Но если они втайне готовили нечто столь колоссальное, как уничтожение целого анклава, то вряд ли стали бы делиться планами с детьми. А значит, даже ребята из Нью-Йорка не знали, что задумал их анклав. Зато они – и шанхайцы тоже – понимали, что, если гибель

бангкокского анклава не была случайностью, значит, их родители прямо сейчас вели войну. А нам предстояло жить в неведении еще целый год.

В такой ситуации трудно питать дружеские чувства к членам анклавов. Лично меня не волновала судьба Бангкока. Я не собиралась вступать в анклав. Я приняла это решение в прошлом году – с горечью – и в случае войны намеревалась держать нейтралитет. Даже если какой-нибудь жуткий злыдень громил анклав, мне до этого дела не было – ну, разве что он составил бы мне конкуренцию в будущем, учитывая малоприятное пророчество. Моя жизнь стала бы гораздо легче, если бы оно наконец сбылось.

Однако меня всерьез удручило то, что помощи от Сударат ждать не приходилось. Судя по всему, специализироваться мне предстояло на спасении младшеклассников. Запас маны у анклава Бангкока был относительно новым и небольшим, и бангкокские выпускники полностью его контролировали. Они отчаянно торговались с другими анклавами, заключая союзы к выпуску, и не делились маной даже со своими младшими. Бангкокцы стали обычными людьми, как мы, простые смертные, которые отчаянно боролись за союзников, ресурсы и выживание. Главной приманкой для их будущих соратников было место в молодом амбициозном анклаве – но анклав пал, и они жили в атмосфере зловещей неуверенности, потому что никто не знал, что происходит. Другие новички избегали Сударат не потому, что не знали, что она из Бангкока, а потому что *знали*. Ей даже не дали ничего из вещей, которые остались от прошлогодних выпускников. Рюкзак, с которым она прибыла в школу, был ее единственным имуществом.

Наверное, мне следовало бы пожалеть Сударат, но я больше склонна жалеть тех, кому не везло никогда, а не тех, кому *внезапно* перестало везти. Мама сказала бы, что жалеть нужно всех – а я ответила бы, что *она* вправе жалеть кого угодно, а у меня ограниченный запас сочувствия. Даже в отсутствие сострадания я дважды за неделю спасла Сударат жизнь, так что жаловаться ей было не на что.

И мне тоже – поскольку, очевидно, предстояло продолжать в том же духе.

Мы с Аадхьей и Лю в тот вечер вместе собрались в душ. По пути вниз я горестно спросила у Лю:

– У тебя не будет времени потом? Мне нужны несколько базовых фраз на китайском.

Вы, наверное, думаете, что я имела в виду выражения типа «как пройти в туалет» и «доброе утро». Но в Шоломанче первые фразы, которые ты учишь на *любом* языке, это «пригнись», «осторожно, сзади» и «беги». Мне они были необходимы, чтобы новички не лезли под руку, пока я их спасаю. Целиком и полностью за свой счет.

Лю негромко сказала:

– Я хотела попросить тебя о помощи.

Она полезла в сумку и достала прозрачный пенал, в котором лежали ножницы – под левую руку, с облезлыми пластмассовыми кольцами; одно лезвие было зазубрено, второе слегка заржавело. Многообещающие признаки. Такие скверные ножницы вряд ли были прокляты или зачарованы. Последние две недели Лю, вероятно, искала человека, готового их одолжить.

Волосы у нее отросли до пояса – блестящие, черные как ночь; только у самых корней они были тусклее. Лю отращивала их много лет, в том числе в школе, где приходилось торговаться за каждую помывку. Но я не стала переспрашивать. Я знала, что Лю решила, пусть даже из чисто практических соображений. Аадхья собиралась сплести из ее волос струны для сиренопаучьей лютни. В любом случае Лю удалось сохранить волосы такими длинными – и уцелеть – только потому, что она пользовалась малией.

Но потом она получила неожиданное и очень глубокое очищение и решила, что больше не ступит на дорогу из обсидианового кирпича. И теперь ей приходилось расплачиваться за то, что она три года щеголяла возмутительно красивыми волосами. Каждый вечер по очереди мы помогали подруге расчесывать ужасные колтуны, которые образовывались, как бы тщательно Лю ни заплетала волосы.

После душа мы втроем отправились в комнату Аадхьи. Она наточила ножницы и достала коробку, которую приготовила для волос. Для начала я отстригла край тонюсенькой прядки, держа ножницы как можно дальше от головы Лю – не стоит торопиться, когда держишь в руках незнакомый инструмент. Ничего ужасного не произошло, и я попробовала чуть выше, а потом сделала глубокий вдох и принялась резать быстро и решительно, прямо по разделительной линии у корней. Вручив длинную прядь Аадхье, я спросила у Лю:

– Все хорошо?

С ножницами все было в полном порядке, но я хотела дать ей передышку. Лю не плакала, но для нее это наверняка было мучительно.

– Хорошо, – ответила она, моргая, и к тому времени, когда я состригла половину волос, так заплакала – почти беззвучно. Слезы текли по лицу Лю; одна, особенно большая, скатилась по щеке и упала на коленку.

Аадхья с тревогой взглянула на меня и сказала:

– Я и сама управлюсь. Отдохни, если хочешь.

Лю выглядела еще очень даже ничего: волосы у нее были такие густые, что резать приходилось слоями, начиная снизу. Никогда не угадаешь, не спят ли ножницы внезапно; если Лю придется ходить по школе с выстриженной макушкой и длинным хвостом, любой человек, у которого она попросит ножницы, сдерет с нее три шкуры.

– Нет, – сказала Лю дрожащим, но очень настойчивым голосом.

Она была самой тихой из нас троих – даже Аадхья обычно сбрасывала пар, когда злилась, ну а если бы существовали олимпийские соревнования по гневу, я бы, несомненно, получила золото. Но Лю всегда вела себя спокойно и вдумчиво... непривычно было слышать в ее голосе резкие нотки.

Она и сама удивилась своей вспышке. Но, какие бы чувства ни испытывала Лю, ей не удавалось их полностью заглушить.

– Режь скорей, – твердо велела она.

– Ладно, – сказала я и защелкала ножницами, срезая волосы как можно ближе к коже.

Глянцевитые пряди пытались обвиться вокруг моих пальцев.

А потом все закончилось, и Лю, слегка дрожа, пощупала голову. Почти ничего не осталось, только неровный ежик. Она закрыла глаза и потерла череп руками, словно желая удостовериться, что все состригли. Потом она несколько раз глубоко вздохнула и сказала:

– Я не стриглась, с тех пор как поступила в школу. Мама не велела.

– Почему? – спросила Аадхья.

– Ну... – Лю помолчала. – Она сказала – тогда здесь все будут знать, что меня лучше не трогать.

Она была права. Щеголять длинными волосами в школе может только богатый и беззаботный член анклава – или малефицер.

Аадхья молча достала злаковый батончик из защищенного заклинанием ящика в столе. Лю помотала головой, но Аадхья сказала:

– Да ешь ты, блин.

И тогда Лю встала и протянула к нам руки. Я сообразила не сразу – три года почти полной социальной изоляции отучают от таких вещей – но они обе ждали, пока я не подошла к ним, и мы втроем некоторое время стояли обнявшись, и это было настоящее чудо. Чудо, в которое мне не верилось: я была не одна. Они спасали меня, а я их. Это было круче любого волшебства. Как будто наша дружба могла все исправить. Как будто весь мир мог стать другим.

Но нет. Я по-прежнему находилась в школе, и к чудесам здесь прилагается ценник.

Я смирилась со своим ужасным расписанием только ради возможности собирать ману по средам. Поскольку насчет прелести свободных вечеров я ошиблась, вы, возможно, подумаете, что ошиблась я и насчет четырех ужасных семинаров.

Нет.

Ни на валлийском, ни на протоиндоевропейском, ни на алгебре ни разу не оказалось больше пяти человек кряду. Занятия проходили в недрах лабиринта семинарских аудиторий, и слово «лабиринт» здесь – вовсе не метафора. Коридоры извиваются и растягиваются. Но даже эти три семинара тускнели по сравнению с продвинутым курсом санскрита, который оказался *индивидуальным*.

Честное слово, я могла потратить отведенный мне час в день на то, чтобы спокойно позаниматься санскритом. В прошлом семестре я заполучила бесценный экземпляр давно утраченных сутр Золотого камня; библиотека позволила книге появиться на полке в попытке удержать меня от схватки с чреворотом. Я по-прежнему спала, храня эту книгу под подушкой. Я едва одолела первые двенадцать страниц и только-только добралась до первых серьезных заклинаний, но уже не сомневалась, что ничего полезней не находила в жизни.

Но этот час я должна была проводить в одиночестве, на нижнем этаже, в крохотной комнате, ютившейся за большой мастерской. Чтобы попасть туда, нужно было забраться в самые недра лабиринта, открыть непримечательную глухую дверь и пройти по длинному, узкому, неосвещенному коридору, в котором было от одного до двенадцати метров длины, в зависимости от его настроения.

Огромная отдушина на стене аудитории выходила в ту же вентиляционную шахту, что и отдушина соседней мастерской. Оттуда либо неслись с шумом порывы нестерпимого жара от печей, либо мерный свистящий поток ледяного воздуха. Единственная парта – древняя, железная, совмещенная с сиденьем – была намертво привинчена к полу. Спиной к решетке на полу. Я бы охотно села прямо на пол, но через весь класс тянулись два широких стока, также выходивших из мастерской; они заканчивались большой колодой вдоль дальней стены, и зловещие пятна вокруг намекали, что она регулярно переполняется. В стене над колодой торчали ряды кранов. Из них тихонько капала вода, как бы я ни пыталась их прикрутить. То и дело из труб доносилось ужасное клокотание, а под полом слышался зловещий скрежет. Дверь в класс не запиралась – она то и дело открывалась и захлопывалась с оглушительным стуком.

Если вам кажется, что это идеальная обстановка для засады – что ж, злыдни с вами согласятся. На первой же неделе на меня нападали дважды.

К концу третьей недели мне пришлось черпать из собранного запаса маны, вместо того чтобы его пополнять. В тот вечер я сидела на кровати, глядя на шкатулку с кристаллами, которую принесла с собой в школу. Аадхья провела очередной аукцион, и теперь у меня было семнадцать сверкающих кристаллов, полных маны. Но все прочие оставались пустыми, а те, что я опустошила, убив чреворота, уже начали тускнеть. Если я не начну оживлять их в ближайшее время, они станут такими же бесполезными, как те подделки, которые оптом продаются в интернете. Но я не могла урвать ни минуты. Я собирала ману изо всех сил и не тратила времени даром, но так и застряла на кристалле, который наполняла с прошлого семестра. Утром на меня снова напал злыдень в семинарской аудитории, и мне пришлось полностью опустошить кристалл.

Я принялась за приседания раньше, чем рекомендовал бы врач: если делать упражнения, преодолевая боль в животе, мана собиралась быстрее. Но теперь я уже почти исцелилась – и даже вязание ненавидела гораздо меньше, когда занималась им по вечерам, сидя с Аадхьей и Лю. Моими подругами, моими союзниками. С теми, кто полагался на меня; с теми, кого я собиралась вытащить отсюда живыми.

Я убрала шкатулку и вышла из комнаты. Был еще час до отбоя, но в коридоре стояла тишина. Либо все заняли лучшие места в библиотеке, либо воспользовались возможностью

лечь пораньше, в предвкушении того времени, когда злыдни нахлынут на нас с прежней силой. Я постучала к Аадхье. Она открыла, и я предложила:

– Может, зайдем к Лю?

– Конечно, – ответила та и внимательно взглянула на меня, но расспрашивать не стала. Аадхья не из тех, кто тратит время даром.

Она собрала умывальные принадлежности, чтобы потом можно было сразу сходить в душ, и мы вместе отправились к Лю. Теперь ее комната находилась на нашем ярусе.

В школе у всех отдельные комнаты, а потому, чтобы разместить ежегодно прибывающих новичков, они располагаются одна над другой, как тюремные камеры; с яруса на ярус ведет узкая железная лестница. Но в конце семестра, когда рекреации спускаются на этаж ниже, пустые комнаты исчезают, и свободное пространство делится между выжившими. Это не всегда бывает к лучшему. В среднем классе мне досталась неимоверно жуткая и совершенно бесполезная комната двойной высоты. Спальня Лю, наоборот, во время последнего переезда расширилась вниз, поэтому нам больше не нужно лазить по скрипучей спиральной лестнице, чтобы навестить друг друга.

Лю впустила нас, усадила на кровать и дала поддержать наших будущих фамильяров. Я гладила крошечную белую мышку, которая сидела у меня на ладони, грызла лакомство и смотрела вокруг необыкновенно яркими зелеными глазами. Я хотела назвать ее Чандрой, но Аадхья сказала: «Назови ее Моя Прелесть» – и расхохоталась. Я стукнула Аадхью подушкой, но, к сожалению, это ничего не изменило. Мама так и не извинилась передо мной за то, что навязала мне имя Галадриэль, хотя, несомненно, она понимает, что должна этого стыдиться. Так или иначе все забыли про Чандру и стали звать мышку Моя Прелесть. Да, да, признаюсь, я и сама забыла про Чандру, так что пришлось смириться.

Впрочем, не факт, что Лю отдала бы мне ее. Глядя на мышку – потому что это было лучше, чем смотреть на Аадхью и Лю, – я произнесла:

– У меня не хватает маны.

Нужно было им признаться. Они рассчитывали на то, что к выпуску я внесу свою лепту. Если я не сумею, они имеют право мне отказать. Они ничем не были обязаны кучке младшеклассников, которых в глаза не видели. Среди них, конечно, находился кузен Лю, но, вместо того чтобы спасти одного только Чжэня, я тратила ману авансом, в то время как она из кожи вон лезла, копя энергию для нашего союза.

В лучшем случае мне хватило бы маны для трех заклинаний среднего уровня – но у меня их не было! Единственным полезным заклинанием, которое не требовало огромного количества маны, было заклинание фазового контроля, которое я нашла в книге Пуроханы. Но в критической ситуации оно не годится, потому что требует минут пять на подготовку. Положим, я применила его в критической ситуации, но только благодаря тому, что Орион на протяжении пяти минут отвлекал основную причину этой самой ситуации. Во время выпуска он будет слишком занят, спасая от чудовищ всех остальных.

– Чжэнь рассказал мне про среды, – негромко сказала Лю, и я подняла голову.

Удивления на ее лице не было – скорее, тревога.

– Эти твои странные занятия в библиотеке? Что там вообще происходит? – спросила Аадхья, и Лю ответила вместо меня:

– Там Эль и восемь мелких. И на них постоянно насакивают крупные злыдни.

– В библиотеке? – переспросила Аадхья. – Подожди... и это не считая твоего кошмарного интензива и трех семинаров? Э... школа на тебя всерьез ополчилась?

Мы все замолчали. Честно говоря, вопрос Аадхьи содержал в себе ответ. Горло у меня сжалось, так что я чуть не задохнулась. Раньше я об этом не задумывалась, но Аадхья, похоже, была права. И вражда со школой была гораздо хуже простого невезения.

Шоломанча нуждалась в мане не меньше, чем я. Уходит очень много сил, чтобы поддерживать школу в рабочем состоянии. Об этом несложно забыть, будучи, так сказать, страдательным лицом, которое регулярно переживает нападения злыдней. Однако твари набрасывались бы на нас непрерывно – и их было бы гораздо больше, – если бы не мощные сторожевые заклинания на вентиляционных отверстиях и водопроводных трубах и если бы не удивительное мастерство, благодаря которому этих отверстий немного, несмотря на то, что мы все дышим, пьем, едим и моемся. И для этого нужна мана, мана, мана.

Разумеется, легенда гласит, что ману вкладывают анклав, и отдельные родители, если могут себе это позволить, и мы сами, посредством учебы... но всем известно, что дело обстоит иначе. Главный источник школьной маны – *мы*. Все мы копим ману к выпуску – мы занимаемся этим постоянно. Мана, которую мы скрепя сердце тратим на учебу и дежурства, – ничто по сравнению с количеством, которое откладывается на черный, непроглядно-черный день. Когда злыдни разрывают жертву на куски, та, разумеется, в панике хватается за вкусную ману, которую скрупулезно собирала; они ее высасывают, и маны становится еще больше благодаря страху, отчаянному сопротивлению, предсмертной агонии... Эти излишки получает Шоломанча, которая при помощи охранных заклинаний и сама убивает немалое количество злыдней, и все добытое отправляется в школьные хранилища маны и служит для поддержания жизни уцелевших счастливиц.

Поэтому когда появляется великий герой типа Ориона и принимается спасать людей, злыдни начинают голодать, и школа тоже. В то же время живых – которые дышат, пьют, едят и так далее – становится больше. Это своеобразная пирамида. Если тех, кто стоит на нижней ступени, съедают в недостаточном количестве, благ не хватает тем, кто наверху.

Вот почему нам пришлось спуститься вниз и починить очистительный механизм в выпускном зале: оголодавшие злыдни собрались в том единственном месте, где не было Ориона, и намеревались растерзать весь выпускной класс, потому что последние три года им не хватало еды. От отчаяния они уже ломались и в школу, пытаясь пробить стены внизу лестницы.

А Орион – Орион из нью-йоркского анклава – носит разделитель маны на запястье и обладает способностью, позволяющей ему вбирать ману из убитых чудовищ. Злыдни сами его сторонятся, потому что у Ориона безграничный запас энергии и почти столь же бесконечный запас потрясающих боевых чар.

В отличие от меня. Я – человек, который у него в долгу; при этом я упрямо отказываюсь превращаться в малефициера, убивающего однокашников направо и налево. Недавно я и вовсе двинулась в противоположную сторону. Я остановила чреворота, который направлялся на этаж младшеклассников. Мы с Орионом помешали злыдням вломиться в школу. Мы вместе были в выпускном зале и удерживали щит, пока выпускники-мастера чинили очистительный механизм. И теперь я подражаю этому идиоту, то есть, простите, благородному герою, на регулярной основе, раз в неделю.

Разумеется, у школы на меня зуб.

Если злыдни, атакующие нас по средам, не справятся, школа придумает что-нибудь еще. И еще, и еще. Шоломанча – не вполне живое существо, но и не мертвое. Если вложить в постройку столько маны и столько мыслей, у нее неизбежно образуется нечто вроде собственного сознания. Теоретически, школа создана, чтобы защищать нас, поэтому она не начнет пожирать учеников – во-первых, если это произойдет, поток поступающих резко сократится. Но, несомненно, школе нужно много маны, чтобы функционировать; она *предназначена* для того, чтобы функционировать. А я ей мешаю, поэтому школа на меня обозлилась, а значит, все, кто рядом со мной, в опасности.

– Пусть мелкие собирают для тебя ману, – предложила Аадхья.

– Они еще ничего не умеют, – мрачно сказала я. – Они ввосьмером соберут меньше маны за час, чем я за десять минут.

– Тогда пусть перезарядят твои мертвые кристаллы, – подхватила Лю. – Ты сказала, не нужно много маны, чтобы их пробудить, – главное, чтоб поток шел непрерывно. Вот и пусть носят их с собой.

Лю была права, однако основную проблему это не решало.

– Мне не понадобятся мертвые кристаллы. Такими темпами я и оставшиеся не успею наполнить.

– Давайте их продадим, – тут же сказала Аадхья. – Они просто замечательные. Или я попробую встроить их в лютню...

– Хочешь выйти из союза? – резко перебила я, потому что больше не могла сидеть и слушать, как они перебирают варианты, над которыми я сама ломала голову последние три недели, отчаянно пытаясь придумать хоть что-то, пока не поняла, что выхода нет.

Выход был только для них.

Аадхья замерла. Лю немедленно ответила:

– Нет.

Я слотнула.

– Ты, кажется, не...

– Нет, – повторила Лю с небывалой силой и, помолчав, продолжала: – Когда Чжэнь и Минь были совсем маленькими, я водила их на помочах. В школе, если какой-нибудь мальчишка мучил лягушку или котенка, они отбирали у него животное и приносили мне, хоть их из-за этого и дразнили девочками... – Она посмотрела на Сяо Циня, которого держала в руках, и нежно погладила его по голове. – Нет, – негромко повторила Лю. – Не хочу.

Я взглянула на Аадхью, разрываясь от противоречивых чувств. Я сама не знала, чего ждала. Моя практичная подруга, которой мама велела вежливо вести себя с неудачниками, – поэтому она была вежлива со мной все то время, пока остальные смотрели на меня как на мусор, который даже неохота подбирать с пола, чтобы отправить в помойное ведро. Лю нравилась мне именно потому, что была деловита и упорна; она всегда заключала честную сделку и ни разу меня не обманула, хотя в большинстве случаев оказывалась единственным человеком, готовым со мной торговать. Лю было незачем беспокоиться о младшеклассниках в библиотеке; у нее был выбор. Лю считалась одним из лучших мастеров выпускного класса, она почти доделала волшебную лютню, которая немало стоила бы и за стенами школы. Любой член анклава охотно пригласил бы Лю в свой союз. Это было разумно, практично, и я отчасти хотела, чтобы Лю поступила *рассудительно*. Она уже не раз протягивала мне руку, хотя любой нормальный человек назвал бы это опрометчивым. Я не желала терять Лю – но не желала и стать причиной ее гибели.

Но Лю сказала небрежным тоном:

– Нет. Я не из тех, кто бросает своих. Просто нужно придумать, как тебе собрать побольше маны. Или еще лучше – как сделать так, чтобы школа от тебя отвязалась. Не понимаю, почему Шоломанча принялась за интриги. Ты не член анклава, у тебя в любом случае маны не через край... какая ей выгода, если ты истратишь последние крохи? Разве что... – и она замолчала.

Мы уставились на нее. Лю сидела, сжав губы, и рассматривала сложенные на коленях руки.

– Разве что... школа провоцирует тебя. Она...

– ...Любит малефицеров, – договорила Аадхья.

Лю кивнула, не поднимая головы. Она была совершенно права. Вот почему Шоломанча назначила мне занятия в библиотеке. Школа подталкивала меня... к легкому решению. Она хотела, чтобы я позаботилась о себе, чтобы предпочла копить ману, а не спасать каких-то посторонних малолеток. После этого было бы проще принять второе решение в свою пользу, и третье, и четвертое...

– Да, – согласилась Аадхья. – Школа хочет, чтобы ты стала малефицером. Кстати, а что бы ты могла сделать с помощью малии?

Если бы меня попросили составить список из десяти вопросов, которые я предпочитаю себе не задавать, этот вариант занял бы первые девять пунктов. На десятое место вкрался вопрос: «Как ты относишься к Ориону Лейку?» Но до него было далеко.

– Ты не хочешь этого знать, – сказала я, что означало: «Я не хочу этого знать».

Аадхья ничуть не смутилась.

– Ну, сначала нужно где-то добыть малии... – задумчиво произнесла она.

– Запросто, – отозвалась я сквозь зубы.

Аадхья рассуждала вполне логично, потому что для большинства начинающих малефицеров это основная проблема, а решение обычно предполагает множество интимных встреч, завершающихся кровью и воплями. Но моя беда заключается в том, что я могу *случайно* высосать жизненную силу из окружающих, инстинктивно бросив какое-нибудь страшное заклинание. У меня, например, есть отличное проклятие, вполне пригодное для того, чтобы стереть целый город с лица земли. Возможно, однажды я применю его, вместо того чтобы писать в газеты гневные письма о современной архитектуре Кардиффа. Не сомневаюсь, что оно способно истребить всех злыдней на школьном этаже, и заодно всех людей – хотя, вероятно, к тому моменту люди и так уже умрут, потому что я заберу их ману, чтобы наложить заклинание.

Аадхья и Лю замолчали. Обе посмотрели на меня с некоторым сомнением.

– Честно говоря, я не особо испугалась, – проговорила Аадхья. – Голосую за то, что ты не станешь малефицером.

Лю выразительно подняла руку в знак согласия. Я издала сдавленный смешок и тоже подняла руку.

– И я за это голосую!

– Рискну предположить, что с нами согласится почти вся школа, – продолжала Аадхья. – Давайте попросим ребят скинуться.

Я уставилась на нее.

– «Эй, ребята, кажется, Эль – вампириша, которая сосет ману. Может, поделимся с ней, пока она нас всех не высосала досуха?»

Аадхья хмыкнула и поджала губы.

– Необязательно просить всех, – медленно произнесла Лю. – Достаточно одного человека... например, Хлои.

Я вздохнула и промолчала. Это была не такая уж скверная идея. И даже не такая уж бредовая. Потому-то она мне и не нравилась. Прошло около месяца с тех пор, как мы побывали в выпускном зале, и я прекрасно помнила, каково это – носить на запястье нью-йоркский разделитель маны. Иметь под рукой столько силы было все равно что погрузить голову в бездонный колодец и беспечно, огромными глотками пить холодную свежую воду. Мне понравилось.

К этому было так легко привыкнуть.

– Думаешь, Хлоя откажет? – спросила Лю.

Я подняла голову и перехватила ее внимательный взгляд.

– Не в этом дело... – я шумно выдохнула. – Она предложила мне место.

– В союзе? – уточнила Аадхья.

– В Нью-Йорке.

То есть гарантированное место в анклав. Большинство счастливиц, которым члены анклавов предлагали место в союзе, могли рассчитывать лишь на то, что впоследствии анклав удостоит их вниманием, например даст работу. Обычно каждый год из школы выпускаются четыреста человек. По всему миру открыто порядка сорока вакансий в анклавах, и большая часть достается взрослым волшебникам, которые добиваются этого многолетним упорным тру-

дом. Гарантированное место для вчерашнего выпускника – ценная награда, даже если речь не о самом могущественном анклав в мире.

Аадхья и Лю разинули рты.

– Они совсем спятили из-за своего Ориона.

– Вы всего два месяца вместе! – воскликнула Лю.

– Мы не вместе!

Аадхья драматически возвела глаза к небу.

– Ладно. Вы всего два месяца ведете себя так, что окружающие считают вас сладкой парочкой. Ключевые слова – всего два месяца.

– Большое тебе спасибо, – сухо отозвалась я. – Насколько я понимаю, ньюйоркцы потрясены тем, что Орион вообще с кем-то разговаривает.

– Между прочим, кем надо быть, чтобы хамить парню, который двадцать раз спас тебе жизнь? – поинтересовалась Аадхья.

Я гневно взглянула на нее.

– Тринадцать! И я сама спасла его как минимум дважды!

– Да ты сокращаешь разрыв, детка, – невозмутимо откликнулась та.

Я вовсе не хочу сказать, что предпочла бы остаться без Аадхьи и Лю и идти навстречу судьбе в одиночестве и отчаянии, чем просить о помощи Хлою Расмуссен, но до тех пор я даже варианта такого не рассматривала. Я понятия не имела, что она скажет. В конце концов, я отказалась от гарантированного места в Нью-Йорке. И по-прежнему грустила из-за этого. Я с детства в подробностях рисовала себе борьбу за место в анклав. В фантазиях этот путь завершался тем, что я обретала счастливую жизнь в безопасном, богатом анклав, с бесконечным запасом маны на расстоянии вытянутой руки. При этом собственным поведением я гарантировала, что кампания будет долгой, сложной и никогда не завершится полным успехом; короче говоря, проще было думать, что вообще-то мне и не хочется в анклав.

Даже Хлоя... она приличный человек, очень приличный, надо отдать ей должное. Когда ребята из анклавов в прошлом семестре начали меня обхаживать – исключительно из-за Ориона, – они держались так, словно оказывали мне огромную услугу, снисходя до разговора со мной. Я отвечала крайне недипломатичной грубостью, и скоро они отстали. Но Хлоя выдержала. Она уже десять раз с начала года садилась с нами в столовой – и не притаскивала с собой своих подхалимов. Сомневаюсь, что я могла бы смириться так, как смирилась Хлоя, когда извинилась передо мной и даже предложила дружбу. Я совершенно не жалею о том, что чуть не оторвала ей голову, причина была вполне веской, но все-таки у меня вряд ли хватило бы моральных сил на извинения. Мой запас любезности, честно говоря, микроскопичен.

Но Хлоя – член анклава. И она не похожа на Ориона. Все ньюйоркцы носят на запястьях разделители маны, которые позволяют им обмениваться силой и черпать из общего хранилища; однако разделитель Ориона работает лишь в одну сторону – на накопление. Иначе он заберет столько маны, сколько нужно, чтобы совершить очередной подвиг. Орион действует инстинктивно и не может удержаться. Таким образом, сын будущей нью-йоркской Госпожи лишен доступа к общему запасу маны, хотя, несомненно, вносит в него свой вклад, не говоря уж о том, что бросается на помощь всякий раз, когда кто-то из ньюйоркцев попадает в беду.

Хлоя тоже извлекает пользу из его взносов в общее хранилище. Ей не нужно экономить силу. Она машинально закрывается щитом, когда испытывает беспокойство. Если на нее набрасывается злыдень, Хлоя, конечно, должна, не растерявшись, найти нужное заклинание, но она может не бояться, что маны не хватит. При поступлении в школу она принесла с собой сумку, полную полезных волшебных вещей, а также унаследовала массивный сундук, который ньюйоркцы в течение ста лет набивали всяким ценным барахлом (что-то они приносили из дому, что-то изготавливали в школе). И все эти вещи они могли оставить, уходя, потому что, выбравшись из Шоломанчи, отправлялись домой, в один из богатейших анклавов мира. И в большин-

стве случаев они таки *выбирались*, потому что в выпускном зале окружали себя пушечным мясом – вкусными неудачниками.

Я не в силах об этом забыть, общаясь с Хлоей. Ну... честно говоря, иногда я об этом забываю – но *не хочу* забывать. В глубине души я жалею, что Хлоя перестала вести себя мерзко – тогда я могла бы и дальше грубить в ответ. По-моему, просто нечестно иметь настоящих друзей, которым нет дела до того, какая ты богатая и сколько у тебя маны – а кроме друзей иметь еще и ману, и деньги, и стоящих по стойке смирно лизоблюдов. Но каждый раз, когда меня посещает эта странная и злая мысль, я словно ловлю мамин взгляд, полный нежности и сострадания, и чувствую себя червяком. Неудивительно, что в присутствии Хлои я непрерывно перехожу от спокойствия к подозрениям, от обиды к сознанию собственного ничтожества и так далее.

И мне придется попросить у Хлои доступ в хранилище маны, потому что я выпью досуха Аадхью, Лю, восьмерых младшекласников и, возможно, всех остальных ребят, если не сдержусь в один прекрасный день, когда ризолит попытается меня растворить или через решетку вентиляции проберется огнеслизень. А значит, поводов злиться на Хлою станет еще больше.

Отчасти мне хотелось, чтобы Хлоя отказала.

Но нет.

– погоди... ты хочешь сказать, что согласна? – спросила она полным надежды голосом, как будто предполагалось, что это не однократное предложение и я могу потребовать место в Нью-Йорке в любой момент.

– Нет, – ответила я.

Я пришла к Хлое, поскольку не хотела, чтобы нас подслушали, и от сидения в ее комнате по мне мурашки ползли. Хлоя занимала комнату над душевой, и пустота там была вместо потолка, а не вместо одной стены. В этом есть свои плюсы: не нужно бояться, что свалишься. Есть и минусы: над головой у тебя бесконечная пустота. Хлоя решила проблему, натянув полог из плотной ткани и оставив открытое место только над столом. Над пологом и в его складках могло таиться что угодно.

Она сохранила в комнате всю стандартную деревянную мебель, которую я, поступив в школу, почти сразу сменила на узкие стенные полки. Чем меньше темных углов, тем лучше. У Хлои даже были два полупустых книжных шкафа. Комната у нее стала вдвое шире с прошлого года, судя по длинному яркому рисунку на стене. Рисунок, впрочем, был необычный – я чувствовала, что от него исходит мана. Вероятно, Хлоя насытила краску защитными заклинаниями в алхимической лаборатории. В любом случае я стояла спиной к двери и не заходила далеко в комнату. Хлоя уютно устроилась с книжкой в одном из трех роскошных плюшевых кресел, среди груды подушек, и ни одна из них мне не нравилась. У меня руки чесались ее вытащить, пока подушки не поглотили Хлою целиком (или частично).

– Я просто хочу одолжить немного маны. У меня кончается запас.

– Правда? – подозрительно спросила Хлоя, как будто я сказала нечто немыслимое. – Ты здорова?

– У меня нет утечек, и вампир ко мне не присосался, – коротко ответила я. – Я трачу ману по делу. У меня три семинара и индивидуальный интенсив. А еще раз в неделю я сижу в одном классе с восемью новичками и отгоняю разных тварей.

Когда я закончила, у Хлои глаза полезли на лоб.

– Господи, ты с ума сошла? Усиленный индивидуальный курс? Ты решила на финишной прямой побороться за выпуск с отличием? Зачем ты так себя мучаешь?

– Это школа меня мучает, – сказала я.

Хлоя не поверила и закатила мне десятиминутную лекцию о том, что базовое предназначение Шоломанчи – предоставлять убежище и защиту детям волшебников, что школа (которая регулярно швыряет половину учеников на поживу волкам) не станет действовать вопреки

своему предназначению и нарушать стандартный протокол (что она также проделывает регулярно). Свою речь Хлоя закончила исполненным торжества вопросом:

– Да и с какой стати ей обрушиваться на тебя?

Мне не хотелось отвечать и к тому же надоело слушать декларацию анклав в ее исполнении.

– Ладно, проехали, – буркнула я и повернулась к двери, решив, что мое дело не выгорело.

– Эль, стой, я не то имела в виду! – воскликнула Хлоя и вылезла из кучи подушек. – Я серьезно. Подожди, я не сказала «нет»! Я просто...

Я скрипнула зубами и обернулась, желая сообщить ей, что если она не говорит «нет», то, черт возьми, пусть наконец скажет «да» и не тратит больше мое время... но вместо этого я схватила Хлою за руку и вместе с ней рухнула на постель, потому что подушки действительно попытались проглотить ее целиком, и меня заодно. Кресло распоролось по шву и выпустило огромный скользкий сероватый язык, который устремился по полу к нам. Он двигался с пугающей быстротой, как очень целеустремленный слизень; когда мы убрались с дороги, он дополз до двери и ощупал дверную раму, покрыв металл толстым слоем блестящей, похожей на желе слизи. Я не сомневалась, что она ядовитая.

Недаром я всегда ношу с собой нож; я живо принялась резать завязки полога над кроватью, чтобы сорвать его и набросить на слизня. Это дало нам время, но немного, потому что ткань почти сразу начала шипеть и дымиться – да, слизь оказалась ядовитой. Этой конкретной разновидности слизи я не знала, но, очевидно, тварь была достаточно умна, чтобы вести долгую игру и подстергать жертву, не вызывая никаких подозрений. Опасная гадина. Блестящий кончик языка уже выбирался, извиваясь, из дыры в пологе, но Хлоя подавила инстинктивный вскрик, схватила банку с краской, стоявшую на тумбочке в ногах кровати, и окатила слизня. Из-под распадающегося полога послышалось возмущенное бульканье, которое достигло изрядных высот, когда Хлоя опорожнила вторую банку; два потока, красный и желтый, потекли по шелковистой ткани, пачкая чудовищный язык.

Злыдень втянул его обратно в дыру, под полог, безобразно корчась и издавая хлюпающие звуки, которые, к сожалению, напоминали не столько предсмертную агонию, сколько приступ несварения.

– Пошли отсюда, быстро, – сказала Хлоя, схватила еще одну банку с краской и кивком указала на дверь, но на полпути время истекло: послышалось громкое хлюпанье, и кресло с причмокиванием всосало в себя полог целиком, а потом, вместе со всей кучей подушек, приподнялось и бросилось на нас.

Вряд ли Хлоя, унаследовав эти вещи, ни разу за три года не раздвинула подушки. Следовательно, нас посетил злыдень из тех, что умеют оживлять принадлежащие волшебникам вещи, и еще один – из тех, что имеют организм, способный переваривать человеческую плоть. Это важная категория на всеми любимой схеме в аудитории, где занимаются изучением злых чар. Иными словами, к нам явились *два разных* злыдня, которые создали нечто вроде удивительного симбиотического союза. Схватка с двумя злыднями одновременно, тем более неизвестными, – дело непростое. Единственным способом впопыхах справиться с этой задачей было сделать нечто грандиозное – то есть наложить заклинание, которое сожрет уйму маны. И если я потрачу ману на Хлою, а она мне ее не возместит, значит, я подведу тех, кто по-настоящему во мне нуждается.

Или можно было просто... подождать. Хлоя облила слизня краской, чтобы его нейтрализовать, и устремилась к двери; подушечный монстр, переваливаясь, гнался за ней. Он настиг бы Хлою, прежде чем она успела бы добежать до лестницы. Если я тихонько постою в уголке, пока он ее не схватит, а потом побегу в другую сторону, то останусь цела. Хлоя совершенно обо мне забыла. Как в тот день, когда мы на лестнице боролись с аргонетом, не давая ему прорваться в школу. Она сбежала, спасая свою шкуру. Аадхья и Лю дрались бок о бок со мной,

а она слиняла. И только что Хлоя потратила десять минут, пространно доказывая, что я все выдумываю. Точнее, она подыскивала причины, позволяющие без стеснения отказать мне в помощи.

– С дороги! – сквозь зубы проговорила я и указала на подушечное чудовище.

Хлоя бросила взгляд через плечо – и глаза у нее полезли на лоб, когда она увидела приближающуюся тварь. Она навалилась на дверь, толкнула ее, вылетела в коридор... и врезалась в Ориона, который как раз взялся за ручку с другой стороны. Хлоя сбила его с ног и рухнула сверху.

Заклинание, которое я применила, было по-настоящему жутким, высочайшего уровня – я недавно выучила его на семинаре по валлийскому. Я потратила неделю, чтобы прорваться сквозь древневаллийскую рукопись; процесс изрядно скрашивали многочисленные яркие иллюстрации, повествующие об одном смышленном алхимике-малефицере, который пользовался этим заклинанием, чтобы сдирать кожу со своих злополучных жертв, выпускать из них кровь, сортировать органы и иссушать плоть, оставляя одни кости.

Заклинание эффектно содрало внешний слой обшивки с кресла и оставило ее на полу аккуратно сложенной, как будто только что из прачечной. Внизу оказался блестящий прозрачный мешок, в котором виднелись язык, непереваренный полог и, к сожалению, чье-то полупереваренное тело. К счастью, лицо уже было неузнаваемо. Мешок распался на кучку узких полосок, похожих на пергамент, и язык плюхнулся на пол. Заклинание раскатало его в тоненький губчатый коврик, из которого натекла здоровенная лужа ядовитой жидкости. После недолгой борьбы она разделилась на эктоплазму, нечто прозрачное и нечто розоватое. Три разноцветные струйки, изящно описав в воздухе духу, запрыгнули в опустевшие банки из-под краски. Остальное более или менее неохотно стекло в сточное отверстие посреди комнаты.

Орион пытался встать, но ему мешала Хлоя, которая, по-прежнему лежа на нем, с открытым ртом наблюдала за утонченным расчленением твари. Честно говоря, я опускаю некоторые подробности. Когда я колдую, заклинания обычно имеют многочисленные побочные эффекты, намекающие зрителям, что им следует в ужасе бежать или, упав на колени, просить пощады. Весь процесс расчленения занял примерно полминуты; в процессе тварь энергично, хоть и тщетно трепыхалась, издавая пронзительный вой и испуская фосфоресцирующие вспышки. Когда все закончилось, останки злыдня оказались аккуратно разложены в рядок. Ну просто мечта алхимика. Останки последней жертвы также аккуратно разделились на добела очищенные кости, плоть и ошметки кожи. Кучку костей венчал череп, из глазниц которого выходили тонкие струйки дыма. В качестве завершающего штриха губчатый «коврик», в который превратился язык, сам собой завернулся в обрывок полога, и полоска ткани завязалась на нем бантиком.

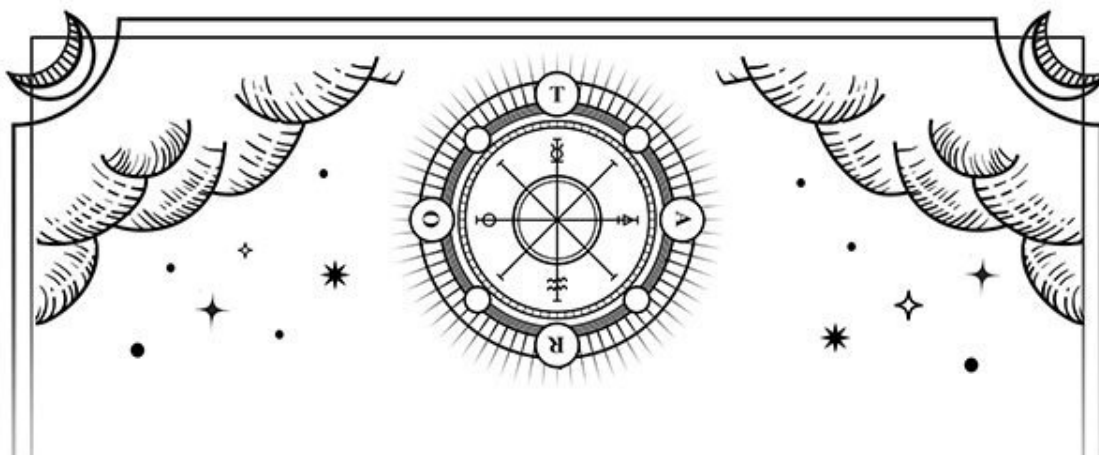
Я стояла на стуле, куда залезла, чтобы не запачкаться, и вокруг меня клубился фосфоресцирующий дым. Кристалл светился маной – снова мне пришлось тронуть запас! – но тени я не отбрасывала. Возможно, светилась я сама.

– О боже, – слабо сказала Хлоя, и в ее голосе я услышала вопрос.

Она по-прежнему не двигалась с места.

– Может, слезешь с меня? – сдавленно проговорил Орион.

Глава 3 Лескиты

– Я в любом случае согласилась бы, – чуть ли не со слезами сказала Хлоя, вручая мне разделитель маны – очевидно, она сомневалась, что я ей поверю. – Честное слово, Эль.

– Знаю, – мрачно ответила я и взяла разделитель, но выражение лица у Хлои оставалось все таким же жалким; видимо, мой голос звучал не слишком ободряюще. Поэтому я добавила:

– Если бы ты отказала мне, он бы не напал.

Я произнесла это с особым выражением, потому что Хлоя могла бы уже и сама догадаться.

На нас напал достаточно умный злыдень, способный тихонько таиться среди подушек, которые она, вероятно, унаследовала от предыдущего ньюйоркца... таиться, может быть, год за годом, экономя энергию и пожирая всех, кому не посчастливилось оказаться в комнате Хлои в одиночку. Члены анклавов регулярно так делают – приглашают приятелей вместе позаниматься после ужина, прекрасно сознавая, что кому-то придется зайти первым и проверить, чисто ли в комнате. Тварь бросилась на нас не потому, что внезапно утратила самообладание. Она сделала это, потому что Хлоя собиралась заручиться моей поддержкой.

Хлоя нахмурилась. Но она была неглупа, и ее только что ткнули носом в проблему. Справившись с базовой обработкой информации, она прикинула все возможные последствия – так быстро, что соответствующие эмоции вереницей промелькнули на ее лице. Она убедилась, что я не выдумывала. Школа действительно объявила мне войну, и злыдни тоже; я действительно была сильна – глаза Хлои перебежали на аккуратный рядок чудовищных ингредиентов. Тот, кто общается со мной, рискует оказаться на линии огня...

Когда она, по моим подсчетам, добралась до этого пункта, я сказала:

– У меня есть запас кристаллов. Я наполню их и верну разделитель.

Хлоя некоторое время молчала, неотрывно глядя на лежавшие на полу останки. Затем она медленно произнесла:

– Ты пользуешься чистой маной. Это... потому что... – она не договорила, но все и так было понятно.

Я уже сказала, что Хлоя не дура. Она взглянула на меня, слегка вздернула подбородок и звонко произнесла – с таким видом, как будто объявляла это всему миру:

– Оставь себе. Тебе, возможно, еще пригодится.

Я – воплощенная неблагодарность – пыталась подавить сильнейшее желание огрызнуться. И тут Хлоя осторожно добавила:

– А... Лю и Аадхье тоже нужно?

Она хотела *присоединиться к нашему союзу*.

Я не могла бездумно выпалить «нет», потому что нельзя было отвечать, не посоветовавшись с Аадхьей и Лю. Тем временем я успела бы остыть и понять, что очевидный, благоразумный и справедливый ответ – «да».

Я не хотела вступать в союз с Хлоей Расмуссен. Я не хотела быть одним из тех счастливых членов, чьи союзы снисходительно подгребают под крылышко какой-нибудь член анклага, полагающийся маной, влиятельными друзьями и полным сундуком полезных вещей. Разумеется, к этому стремится большинство команд, в которых нет ни одного члена анклага. Даже если Хлоя не имела этого в виду, все именно так и подумают. И будут правы: мы вытащим Хлою, Хлоя вытащит нас, и мы оставим позади тех, у кого нет шансов.

Но Хлоя имела право задать вопрос, раз уж я сама явилась к ней просить помощи; и у нее хватило смелости об этом заговорить, тогда как она могла просто заплатить мне за то, что я спасла ее от нападения... которое произошло лишь потому, что она была готова задаром поделиться со мной маной. Хлоя предлагала нечто большее, чем справедливая цена, пусть даже несправедливой была *сама возможность* предложить мне это, и если я, невзирая ни на что, намеревалась ей отказать, Аадхья и Лю имели полное право назвать меня идиоткой.

– Я с ними поговорю, – неуклюже буркнула я, и, как вы догадываетесь, через три дня мне пришлось вывести имя Хлои на стене рядом с женской душевой, где мы записывали свои союзы.

Лю написала свое имя китайскими иероглифами рядом с моим. Разделитель маны у нее на запястье блестел и переливался. А потом мы все вместе отправились завтракать, и как минимум двадцать тысяч человек поздравили нас – то есть меня, Аадхью и Лю – с приобретением. Мы слышали гораздо меньше поздравлений в конце прошлого семестра, когда записали на стенке свои имена, пусть даже наш союз оказался первым.

И в довершение всего Орион меня даже толком не поздравил – он сказал:

– Здорово, что вы с Хлоей подружились.

Он произнес это с пугающей надеждой в голосе, наводящей на мысль, что ему остался один шаг до окруженной сердечками надписи «приди ко мне, моя любовь».

– Я опаздываю на урок, – сказала я и удалилась в относительно безопасные недра аудитории, отведенной мне под индивидуальные занятия. Там свое внимание на меня мог обратить максимум злыдень-людоед.

Через месяц после начала семестра я перевела четыре дополнительных страницы из сборника сутр Золотого камня. Они содержали единственное заклинание в три строчки на ведическом санскрите, и его смысл я поначалу не поняла. В нем было семь незнакомых слов, которые имели множество значений. Остальные четыре страницы занимал пространственный комментарий на средневековом арабском; речь шла о том, почему употреблять это заклинание можно, пусть даже на первый взгляд оно и «харам», поскольку в процессе используется вино. По большей части комментарий не содержал ничего полезного, например объяснений, зачем, собственно, заклинание нужно и каким образом использовать вино. Впрочем, *кое-что* полезное все-таки было, поэтому пришлось пробираться сквозь риторическую пену ради горстки подробностей.

Тем утром я наконец поняла, какие из девяноста семи возможных значений имеют несомненный смысл, и пришла к выводу, что заклинание нужно, чтобы дотянуться до отдаленного источника воды и очистить его. Эта штука наверняка была крайне необходима людям, живущим в пустыне, однако бесполезна для человека, обитающего в заколдованной школе, которая снабжена вполне рабочим, хоть и устаревшим водопроводом. Я сердито разглядывала завершенный и абсолютно ненужный мне трехстрочный перевод, когда за спиной у меня загремела решетка вентиляции и из отверстия выскочил когтистый клубок шерсти. Что ж, ожидаемо.

Тварь немедленно отскочила от щита, который мне даже не пришлось создавать, поскольку сделанное Аадхьей крепление для щита автоматически взяло из разделителя

сколько нужно маны, чтобы предотвратить физический контакт. Лескит отлетел в угол и извернулся, поднимаясь на все двенадцать лап. Не знаю, кто из нас больше удивился, но оправился он быстрее. Злыдень вновь приблизился ко мне, остановился и проверил щит на прочность, выбив из него облако оранжевых искр.

Моей обычной стратегией в такой ситуации было отвлечь тварь и бежать. Но тут из вентиляции донеслись визг и шипение; в мастерской собралась целая стая. Лескиты обычно не охотятся поодиночке. Мой приятель разинул зубастую пасть и испустил громкое «кр-рк, кр-рк, кр-рк», как сердитый страус (я в жизни не слышала, как кричат страусы, но такая уж у меня возникла ассоциация). В вентиляции послышалось царапанье, и из отверстия выглянул еще один лескит. Он спрыгнул на пол, и некоторое время чудища переговаривались, а затем дружно бросились в атаку, царапая щит и оставляя на нем глубокие пламенеющие борозды.

Я посмотрела на них из-за щита и медленно произнесла:

– *Exstirpem has pestes ex oculis, ex auribus, e facie mea funditus.*

Это было слегка видоизмененное латинское заклинание, предназначенное для уничтожения группы нападающих, которые пытаются до тебя добраться, но их что-то временно удерживает – например, когда толпа разъяренных крестьян осаждает зловещую башню чародея-мучителя. Я сделала широкий жест, словно отгоняя мух, и лескиты стремительно обратились в прах – полагаю, вместе с их приятелями в соседней мастерской, поскольку визг, который доносился до меня через вентиляцию, внезапно сменился молчанием.

Несколько мгновений я смотрела на две маленькие кучки пепла на полу, а потом, за отсутствием других дел, медленно села за парту и принялась за работу. Не было никакого смысла выбегать в коридор, а до конца урока оставалось еще двадцать минут.

Дверь, которая успела открыться и захлопнуться буквально за минуту до появления лескитов, вновь приоткрылась – на мой взгляд, с каким-то разочарованием. Даже хлопнула она на сей раз не так громко.

Остаток занятия я провела, набело переписывая оригинал заклинания – как обычно, с дословным переводом на современный санскрит и английский, некоторыми возможными вариациями и оттенками смыслов, анализом арабского комментария и собственными заметками о возможном использовании. Это дурацкое пижонство, на которое тратят время только те, кто стремится к выпуску с отличием или к публикации в научном журнале (это менее конкурентный способ привлечь внимание какого-нибудь анклава после выпуска).

Я в этом не нуждалась. Мне не нужно было особенно трудиться, чтобы наложить заклинание. Честно говоря, я могла воспользоваться им сразу же, как только разобралась с произношением. Правда, если бы я рискнула наложить заклинание, не выяснив сперва, как оно работает, обязательно оказалось бы, что оно крайне смертоносно.

Я занималась этой дурацкой бюрократией, потому что не хотела приступать к новому куску работы. Точнее сказать, не хотела, чтобы у меня осталось время на размышления. Я совсем не жалела, что потратила нью-йоркскую ману на истребление стаи лескитов и заодно спасла собственную шкуру, но не собиралась и радоваться этому. И испытывать благодарность тоже. И привыкать... но нет, я уже безнадежно привыкла. Я расслабилась и регулярно забывала проверить вентиляционную решетку у себя за спиной, как будто это место не было самым опасным в классе.

Когда раздался звон колокола, я вышла в коридор, а из мастерской вывалилась толпа старшеклассников, возбужденно споря о том, что же произошло с лескитами. Один из них сказал, пожав плечами:

– Comment il les a eus comme ça? J'en ai aucune idée. Putain, j'étais sûr qu'il allait crever¹.

¹ Как он с ними справился? Понятия не имею. Блин, я был уверен, что ему конец (фр.).

И я отправилась на семинар по валлийскому, кипя от ярости, поскольку поняла, что Орион был в мастерской и мое заклинание, истребившее лескиотов, спасло ему жизнь, так что все-таки повод для радости был... но, черт побери, что он делал на чужом уроке?

– Ты что, ходишь за мной по пятам? – поинтересовалась я за обедом, когда мы встали в очередь.

– Нет! – ответил Орион, но не дал никакого убедительного объяснения. – Я просто... просто у меня возникло предчувствие.

Больше ничего не сказав, он отошел в сторонку с таким мрачным и недовольным видом, что мне отчасти захотелось дать ему полную свободу – но это желание было глубоко неправильным, и я удержалась.

– Предчувствие, что твою задницу придется спасти от стаи лескиотов? – ласково поинтересовалась я. – Кажется, я довела счет до четырех.

– Не надо было меня спасать! Их было всего восемь, я бы и сам справился, – огрызнулся Орион.

У него хватило наглости произнести это с досадой, и тут уже разозлилась я.

– А я слышала, что тебя чуть не сожрали! Чтоб тебе помогали, ты не хочешь, а аргументировать не можешь, я правильно понимаю?!

Я взяла поднос и зашагала прочь, к столу, который заняла Лю. Орион двинулся за мной и сел рядом. Оба мы продолжали злиться – в школе не отсаживаются за другой стол из-за таких пустяков, как жестокая ссора, – поэтому мы кипели молча до конца обеда. Мы отнесли подносы на место и вышли из столовой, как мне показалось, демонстративно порознь – Орион явно хотел уйти первым, поэтому я слегка притормозила, а выйдя, заметила, что он разговаривает в коридоре с Магнусом. Магнус протянул руку, и я поняла, что Орион просил у него маны.

– Ты, полоумный. Мог бы сказать, что у тебя заканчивается мана, – заявила я, нагнав Ориона в коридоре возле лестницы и отвесив ему подзатыльник. – Между прочим, драться со злыднями, когда мана на исходе, – это еще глупее твоей обычной тактики. Иными словами, такого идиотства свет не видел.

– Что? Нет! Я не... – начал Орион, развернулся, поймал мой суровый взгляд и замолчал. Он смущенно охнул, как будто мера собственной глупости дошла до него только что.

– Да, – сказала я. – Ты имеешь право на долю нью-йоркской маны. На прошлой неделе ты, скорее всего, внес туда гораздо больше своей доли!

– Нет, – коротко ответил Орион. – Я вообще ничего не внес.

Я уставилась на него.

– Как?

– За целый месяц я не убил ни одного злыдня, – сказал Орион. – Я их в глаза не видел. Кроме тех, кого при мне убивала ты.

Хотите верьте, хотите нет, но в его голосе звучал упрек. Однако, вместо того чтобы обрушиться на Ориона, я просто разинула рот.

– Ты хочешь сказать, что с начала семестра никого не спас? А почему мы не слышим предсмертных криков?

– Потому что злыдней нет! – воскликнул Орион. – Они все затаились. Наверно, мы слишком многих убили в выпускном зале...

(«Слишком многих» в этом контексте прозвучало как-то странно.)

– ...А те, что остались, теперь прячутся. Я спрашивал у ребят, но почти никто в последнее время не видел злыдней.

Я не в силах связно описать вам негодование, которое ощутила. Одно дело – если школа имела на меня зуб (полагаю, все мы это чувствуем с момента поступления), и совсем другое – если школа имела зуб на меня *одну*, а к остальным вдруг стала благосклонней, даже к Ориону,

хотя именно он изначально был виноват в том, что Шоломанча изголодалась. Хотя, наверное, школа и ему мстила, не давая драться со злыднями.

– Что у тебя в среду после самоподготовки? – спросила я, когда справилась с трудно контролируемым бешенством.

– Семинар по алхимии.

Четырьмя ярусами ниже библиотеки. Значит, Орион не мог прийти мне на выручку, даже если бы хотел – а он, несомненно, хотел.

– А первые уроки у тебя какие?

– Китайский и математика.

Максимально далеко от мастерской.

– Ненавижу школу, – с чувством произнесла я.

– Если так будет продолжаться, остальные ньюйоркцы начнут возражать, – уныло сказала Хлоя; она сидела, скрестив ноги, на кровати Лю и держала в руке мышку.

Своего фамильяра она назвала Мистофелис, потому что на шейке у него было черное пятнышко, похожее на галстук-бабочку (с тех пор как он достался Хлое, оно все больше напоминало галстук-бабочку). Мистофелис уже начинал ее слушаться – не далее чем вчера он спрыгнул на пол и проворно нырнул в сточное отверстие, а пару минут спустя вернулся и принес Хлое кусочек слегка пожеванной амбры.

Меня это злило: с Моей Прелестью я занималась полтора месяца, подкармливала ее маной, пыталась обучать, а она по-прежнему не делала ничего, только принимала лакомства как должное и любезно позволяла себя гладить.

– Может, ты хотя бы умеешь становиться невидимой? – ворчливо поинтересовалась я, прежде чем посадить мышку обратно в клетку.

Она не обратила на меня никакого внимания.

Аадхья уже забрала свою мышку, по кличке Светик, к себе в комнату насовсем и выстроила ей просторный вольер, полный колес и туннелей. Она его постоянно расширяла и совершенствовала.

– Иногда нужно время, – деликатно сказала мне Лю, но даже она, по мере того как шло время, явно начинала сомневаться.

Разумеется, я все равно не отказалась бы от возможности погладить Мою Прелесть, даже в ущерб рукоделию и отжиманиям. Мышка была живой и настоящей – мягкая шерстка, дыхание, легкое биение сердца... она не принадлежала Шоломанче. Ее создал внешний мир – мир, который, как мне иногда казалось, существовал только во сне. Мы провели в Шоломанче три года, один месяц, две недели и пять дней.

И в течение одного месяца, двух недель и пяти дней никто, кроме меня и тех, кто находился рядом со мной, не страдал от злыдней (насколько нам удалось выяснить, не пробуждая подозрений). Ребята еще не поняли этого лишь потому, что часть нападений затронула мастерскую, которая находилась по соседству с кабинетом для моих индивидуальных занятий, а также потому, что новый учебный год только начался, и каждый в отдельности думал, что ему просто повезло.

– Но ньюйоркцы скоро заметят, что маны в хранилище становится меньше, – сказала Хлоя. – Магнус недавно спросил меня, делала ли я что-то серьезное. Я имею право делиться силой с союзниками, но не отдавать им все.

– Мы вкладываем, сколько можем, – ответила Аадхья. – И у вас семь выпускников-ньюйоркцев. Вы сами наверняка приносите кучу маны. Неужели ущерб так велик?

– Ну... – произнесла Хлоя, внезапно смутившись.

Она бросила взгляд на меня и с трудом выговорила:

– Мы не особо... ну...

– Вы вообще не копите ману, – спокойно отозвалась я из угла, мгновенно сообразив, в чем дело. – Ньюйоркцы не вносили ману в общее хранилище, поскольку Орион трудился за всех.

Хлоя прикусила губу и отвернулась; Аадхья и Лю в шоке уставились на нее. Все в школе копят ману, даже члены анклавов. У них больше времени и лучше условия; окружающие оберегают их, делают за них уроки, подносят маленькие презенты в виде маны, ну и все такое прочее, на что мы, простые смертные, вынуждены тратить силы. У анклавов есть собственные хранилища маны и разделители. К выпускному классу члены анклавов намного обгоняют прочих. Но вообще не собирать ману... не делать приседаний, не возиться с каким-нибудь мерзким рукоделием, просто сидеть на шее у Ориона...

А когда у него самого начала заканчиваться мана, ему пришлось клянчить у сородичей.

Хлоя сидела, опустив голову, вся красная. Мистофелис у нее в ладони издавал тихий тревожный писк. Вероятно, Хлое с младшего класса не приходилось думать о мане. Точно так же, как в последнее время об этом не думала я.

А я-то отчитала Ориона за то, что он попросил помощи. После того как убила лескитов благодаря мане, которую он собирал три года, рискуя жизнью.

– Ну и что? – решительным тоном спросил Орион.

Я не бывала у него с прошлого семестра; в последнее время я вообще старалась не оказываться с ним наедине. Но после разговора с Хлоей я, не сказав ей больше ни слова, посадила Мою Прелесть в клетку, вышла из комнаты Лю и зашагала к Ориону. Орион сидел у себя и успешно проваливал задание по алхимии, судя по абсолютно пустому листку на столе. Он впустил меня с таким волнением, что я почти перестала злиться и задумалась, не уйти ли; но потом, несмотря на Ориона и его тщетные попытки запихнуть куда-нибудь грязное белье и книги, гнев победил. Как всегда.

Впрочем, судя по его реакции на мои слова, я могла бы и не утруждаться.

Мы сердито уставились друг на друга. Мало того что Орион с радостью выручал тупых неудачников; похоже, он вообще не понимал, зачем я сообщаю ему эти бессмысленные сведения.

– Это *твоя мана*, – произнесла я сквозь зубы. – Все это твоя мана, Лейк, ты что, не понимаешь? Эти паразиты сидят на твоей шее три с лишним года. Они ни минуты не трудились сами...

– Ну и ладно! – перебил Орион. – Маны много. Ее всегда *было* много, – добавил он, и в его голосе наконец-то прорезались живые человеческие нотки, хоть они и напоминали жалобный скулеж.

– Ты что, соскучился по злым дням? – рыкнула я. – Тебе не хватает развлечений? Спасательных операций пять раз в день? Регулярной дозы обожания?

– Мне не хватает маны! – заорал Орион.

– Ну так заведи ее! – сказала я, сорвала с запястья разделитель и сунула ему. – На! Тебе нужна мана, она твоя, вся твоя, им не принадлежит ни капли!

Он посмотрел на разделитель, и на его лице мелькнула ненасытная тоска. Потом Орион мотнул головой, сказал «нет» и запустил обе руки в волосы (правда, они еще не отросли настолько, чтобы жест вышел эффектным).

Он жалобно произнес:

– Я не знаю, что мне делать.

– Я знаю, что тебе делать, – сказала я, имея в виду, что ему нужно дожить до следующей недели, а там, быть может, он опомнится.

Однако у него хватило наглости поинтересоваться: «Да?», причем с вызовом, притворно-вежливым двусмысленным тоном. Впрочем, наглость испарилась, едва это слово сорва-

лось с его уст; Орион тут же покраснел, смутился, обвел взглядом комнату, где никого, кроме нас, не было, покраснел еще сильнее... а я вылетела в коридор и отправилась обратно к Лю. Откровенно говоря, я сбежала.

Когда я вернулась к Лю, сжимая разделитель в руке, остальные еще сидели там. Хлоя вскинула голову и с тревогой взглянула на меня. Но она и сама могла поговорить с Орионом, если желала знать, что он об этом думает.

– Ну и что теперь? – спросила я, протягивая ей разделитель. – Хочешь выйти из союза?

– Нет! – сказала Хлоя.

Аадхья схватила с постели книгу – толстый том, которым вполне можно было укокошить мелкого злыдня, – и запустила в меня с такой силой, что мне пришлось отпрыгнуть, иначе я заработала бы здоровенный синяк на заднице.

– Прекрати! – велела Аадхья. – Ты, кажется, уже в третий раз просишь тебя бросить. Ты – как та колючая рыба, которая надувается, стоит ее тронуть, – она надула щеки, изображая рыбу. – Если что, мы тебе сами скажем, договорились?

Я более или менее неохотно надела разделитель – честно говоря, все-таки охотно – и села на пол, обхватив колени руками.

Лю произнесла:

– Значит, дело не в том, что ты используешь ману, а в том, что Орион перестал ее добывать.

– Да, и нам нужно найти действенный способ приманить к нему злыдня-другого, – буркнула я. – Вот бы собрать в одном месте кучку вкусных подростков... ах, подождите.

– Я сейчас снова в тебя чем-нибудь брошу, – пригрозила Аадхья, многозначительно помахивая еще одной толстенной книгой (на обложке у нее темнели подозрительные пятна).

– Может, подложим приманку? – спросила Хлоя.

– Приманку? – переспросила Аадхья, и Хлоя посмотрела на нас с Лю, как будто ожидала, что мы-то пойдем.

– Ну, приманку, – повторила она. – Как бы описать... Когда волшебники затевают какой-нибудь крупный проект и собираются долго над ним работать, нельзя ведь, чтоб к ним явились злыдни и помешали, правда? Значит, нужно выманить всех окрестных злыдней и перебить их, как во время очищения. У нас делали такую штуку пару лет назад, когда расширяли портал.

Звучало и впрямь неплохо... даже как-то слишком.

– Если вы умеете выманивать злыдней в специальные места, почему вы не делаете этого постоянно? – спросила я. – Просто поставьте ловушку с приманкой, и никаких гадов в округе не будет.

– Но ведь потом от них надо как-то избавляться! – возразила Хлоя. – Никакая ловушка не удержит тысячу гигантских злыдней. Нам пришлось нанять бригаду из трехсот охранников.

Вот это уже походило на правду. И тут Хлоя добавила:

– И потом, нельзя постоянно держать приманку рабочей, это слишком дорого.

Мы все уставились на нее. Она взглянула на нас.

– Это слишком дорого, – многозначительно повторила я. – Для Нью-Йорка.

Я видела, как Орион полными пригоршнями, как соду, бросал насыщенную маной алмазную пыль в алхимические зелья. Он даже не удосужился смести остатки со стола после занятия.

Хлоя прикусила губу. Лю поинтересовалась:

– Неужели так трудно приманить злыдней? Они и сами не прочь до нас добраться. Нужно лишь усилить их желание.

– Кстати, – перебила Аадхья. – А как далеко распространяется эффект?

– Мы накрыли полностью Грамерси-парк и по одному кварталу со всех сторон по периметру, – сказала Хлоя.

Я ничего не поняла, но Аадхья кивнула.

– Так. Хорошо. Любой артефакт обойдется слишком дорого, если распространить его действие на шесть городских кварталов. Но нам-то не нужно собирать всех злыдней в школе.

Да уж. Честно говоря, мы инстинктивно поежились, услышав это.

– Нам нужно лишь несколько штук для Ориона, – договорила Аадхья.

Она встала, подошла к столу и достала чертеж; мастерам часто приходится делать детальные зарисовки школьных механизмов.

– Вот, – она ткнула в какое-то место на первом этаже. – Здесь большая труба, которая проходит сквозь стену мастерской. Если мы установим приманку рядом с ближайшим стоком и будем управлять ей оттуда, наверняка нам удастся наловить Ориону кучу злыдней, даже если мы покроем радиус всего в пару метров.

– Великолепно, – сказала я. – Ну, как работает эта ваша приманка?

Мы все вновь посмотрели на Хлою.

– Нужна емкость... в нее кладут наживку, потом мастер развеивает запах... – она замолчала и неопределенно пожала плечами. – Ну, как-то так. Я знаю про это только потому, что маме пришлось сделать презентацию, когда она составляла официальный запрос...

– Запрос, – повторила я еще многозначительней.

То, что ньюйоркцам пришлось добывать через запрос, наверняка было не только дорогим, но и безумно сложным.

Но Аадхья отмахнулась.

– Этого вполне достаточно. Лю права, вряд ли все так сложно. Надо приготовить приманку, которая будет пахнуть, как подросток-маг, ну а я что-нибудь придумаю, чтобы распространить запах.

Хлоя кивнула.

– Ты быстро это сделаешь? – с волнением спросила она.

Аадхья пожала плечами.

– Понятия не имею.

– А ньюйоркцы тем временем пусть начнут собирать ману, – подхватила Лю. – Если Орион перестал добывать ману, и никто из вас тоже этого не делает, рано или поздно запас начнет иссякать. Вы же не хотите остаться без маны через три месяца, когда начнется забег с препятствиями?

– Но если я всем скажу, что надо собирать ману, потому что Орион этого больше не может, Магнус первым делом пожелает проверить наши разделители, чтобы выяснить, кто сколько тратит, – сказала Хлоя. – Тогда они поймут, отчего запас истощается.

– Он не будет настаивать на проверке, – произнесла Лю, взглянув на меня. – Главное, сообщить об этом правильно.

– А как правильно? – подозрительно спросила я.

Вот как. Хлоя шепотом рассказала всем ньюйоркцам, что *девушка Ориона* не позволяет ему охотиться на злыдней, поскольку опасается за его жизнь, и теперь интересуется, отчего запас маны внезапно стал истощаться.

Члены нью-йоркского анклава не больше Хлои желали оповещать меня об истинном источнике своей маны, а потому тихонько начали пополнять запас (оказалось, они могут это делать в изрядном объеме, причем далеко не на пределе сил). Конечно, они не умолкая ворчали по поводу усилий, которые приходилось прикладывать. Признаюсь, я с восторгом наблюдала за Магнусом, который заходил в душ во главе своей свиты, весь потный и красный – похоже, ему от души пришлось потрудиться, собирая ману при помощи малоприятных физических упражнений.

Но через месяц нестерпимых страданий ньюйоркцы начали упрекать друг друга в неадекватном использовании маны, а изготовление ловушки меж тем застопорилось. Аадхья сделала специальную курильницу – несколько вложенных друг в друга цилиндров из разного

металла, и в каждом были аккуратно проделаны отверстия, направляющие струйки дыма в стороны. Хлоя смешала десяток зелий, насыщенных маной, и оставила их вокруг сточного отверстия в одной из алхимических лабораторий. После ужина мы осторожно зашли туда и забрали тот образец, в который, судя по признакам, тыкали разнообразными частями тела. В частности, морда нюхача оставила зловещий отпечаток, напоминающий семя лотоса.

– Отлично, пошли, – немедленно сказал Орион.

Он схватил было цилиндр со стола и устремился к двери, но Аадхья остановила его силой.

– Можно мы не будем испытывать эту штуку рядом с большой трубой, которая ведет прямо в выпускной зал? – спросила она.

Остальные охотно согласились. Диаметр школьных труб способен варьироваться, и если мы собирались намеренно приманивать злыдней, наше желание могло облегчить им попадание в школу.

Орион сидел, с явным нетерпением перебрасывая курильницу из руки в руку, в то время как остальные обсуждали подходящее место для испытания. Наконец мы решили оставить ловушку в лаборатории, раз уж приманка лежала здесь некоторое время; никому не хотелось нести ее по коридорам, рискуя собрать за собой целый шлейф злыдней.

Аадхья положила приманку в курильницу, немного повозилась с расположением цилиндров и наконец сказала:

– Ладно, давайте попробуем.

Мы все попятились к двери, а Орион чиркнул спичкой и поджег приманку. Он обжегся и ойкнул – похоже, это встревожило его больше, чем потенциальная толпа злыдней. Орион сунул приманку в курильницу, поставил ее на лабораторный табурет и придвинул его к сточному отверстию.

Первые завитки дыма показались в воздухе и зависли над стоком, прежде чем развеяться. Орион выжидающе маячил над отверстием, но никто не вышел из трубы. Мы подождали еще пять минут. Дым пошел сильнее, превратившись в тонкую струйку, которая окружила сток и скользнула вниз. По-прежнему ничего.

В лаборатории было несколько мелких агглов, которые воровали остатки – мы не обращали на них внимания, потому что они довольно полезны, когда вырастают, и при этом абсолютно безопасны. У нас на глазах они добрались до отверстия и спустились в трубу, не обращая на дым никакого внимания.

Орион посмотрел на нас.

– Разве на них не должно действовать? Они ведь тоже злыдни.

– Да, наверное, – сказала Хлоя – немного гнусаво.

Приманка, несомненно, удалась; даже у двери чувствовался характерный запах мужского туалета.

Аадхья нахмурилась и осторожно шагнула к курильнице.

– Может быть, надо... – начала она, и тут Светик высунула голову из переноски и издала громкий взволнованный писк.

Аадхья сделала нам всем по переноске, похожей на стаканчик с прикрепленным к нему плечевым ремнем, чтобы можно было носить мышь с собой в течение дня. Лю хотела, чтобы мы почаще общались с фамильярами. Прежде чем Аадхья успела вмешаться, Светик выпрыгнула из стаканчика, подбежала к табурету, вскарабкалась по ножке, как белая молния, сиганула на курильницу и сшибла ее на пол. Мы ахнули; между тем Мистофелис и Сяо Цинь тоже вылезли из переносок и бросились к товарке.

Приманка уж точно заинтересовала их. Вместе они целых полчаса в безумном восторге катали цилиндр по лаборатории, загоняя его под шкафы и ловко выскальзывая из нашей хватки. Оказывается, магические мыши здорово умеют удирать. Мы ругались, кричали, стучались локтями, обдирали колени и чуть не спятили, прежде чем наконец отобрали у мышей

цилиндр и погасили приманку. Тогда мыши утомленно повалились на пол, поджав лапки, с остекленевшими глазами и выражением полного блаженства на мордочках.

Хлоя несколькими жирными линиями перечеркнула рецепт приманки в тетради, а Аадхья с отвращением выбросила цилиндры в мусорное ведро. Когда первый эксперимент настолько не соответствует ожиданиям, продолжать не стоит. Это значит, что допущена серьезная ошибка – и мы понятия не имели какая. Если предпринять вторую попытку без коренной переработки, что-нибудь *обязательно* пойдет не так, причем самым эффективным и, вероятно, болезненным образом.

Единственным плюсом было то, что Моя Прелесть впервые показала признаки фамилльяра. Она не присоединилась к общему буйству; наоборот, когда Светик прыгнула к курильнице, Моя Прелесть, взбежав по моему плечу, забралась на высокую полку, накрылась большой пробиркой и стала неодобрительно наблюдать за остальными мышами, зажав нос передними лапками. После того как мы потушили курильницу, она вернулась в переноску, закрыла за собой крышечку и ясно дала понять, что не желает сидеть в общей клетке в комнате Лю вместе с этими укурками.

Это меня порадовало, но работа над ловушкой вернулась на исходную.

Тем временем члены нью-йоркского анклава были не единственной моей проблемой. Остальные тоже начали задумываться над тем, кого и почему атакуют злыдни. Мы все проводим уйму времени, размышляя о злыднях и их намерениях. Почти половина уроков в младшем и среднем классах посвящена изучению злыдней – их типам, привычкам, а главное – способам их убить. Когда злыдни начинают вести себя непредсказуемо, это плохо. Даже если непредсказуемость заключается в том, что они перестали нападать. Как правило, это означает, что они просто ждут подходящего момента.

В следующую среду, под конец нашего неизменно бодрого семинара в библиотеке, Сударат подождала, когда остальные ребята начнут собираться, и негромко сказала мне:

– Одна девочка из Шанхая спрашивала – правда, что на наш класс снова напали?

Мы приближались к середине семестра, и с начала года погибли общим счетом двадцать три человека. Больше половины из них были младшеклассники, которые взорвались в мастерской или отравились в алхимической лаборатории (что по обычным школьным меркам почти не считалось гибелью). Остальные, за исключением одного, пали жертвой ошибок в столовой. И даже это было заметно меньше обычного, поскольку почти все пользовались нюхательными заклинаниями и противоядиями.

Покойник номер двадцать три, единственный из всех, не принадлежал к новичкам – это был ученик среднего класса по имени Прасонг, член бывшего бангкокского анклава. В один злополучный день он обнаружил, что больше не является членом анклава; до тех пор Прасонг вел себя так несносно, что, угодив в беду, обнаружил разительную нехватку друзей и сочувствия. Поскольку он желал сохранить прежние блага – или хотя бы приблизительно гарантировать себе жизнь, – Прасонг принял решение стать малефицером. Естественно, лучшим и надежнейшим способом получить большую порцию маны – столько, чтобы пережить выпуск, – было высосать ее из компании ничего не подозревающих наивных новичков.

Если вам это кажется адским злом, следует заметить, что мы тут рассуждаем иначе. Как правило, в школе бывает от четырех до восьми малефицеров, а поскольку большинство из них не планируют этого заранее и не приносят с собой мелких млекопитающих, нападения на младших учеников – обычное дело. Руководство для новичков предупреждает об этом самым прозаическим образом и велит остерегаться старших учеников – и успешных однокашников, – которые выказывают слишком много интереса к чужим делам. Одному из таких субъектов – покойному (и никем не оплаканному) Джеку Уэстингу, который два года назад расправился с соседкой Ориона, Луизой – я была обязана красивым шрамом на животе.

Только с Сударат Прасонг мог разговаривать, не вызывая подозрений. Для этого ему даже не приходилось утруждаться – Сударат сама старалась поддерживать связи со старшими товарищами по бывшему анклаву. Даже если ей в лучшем случае выпадал шанс сесть с ними в столовой или получить какие-нибудь вещички, которые старшим не удавалось продать, это все-таки было лучше, чем ничего. Для установления контакта Прасонгу было достаточно хоть раз пустить Сударат за свой стол. Она, видимо, рассказала ему о нашем странном семинаре в библиотеке, и он убедился, что это идеальный лакомый кусочек – восемь новичков в изолированном помещении, и никаких свидетелей вокруг.

Очевидно, обо мне Сударат не упомянула.

Через несколько дней Прасонг тихонько спустился вниз незадолго до конца обеденного перерыва и начертил на полу под партами колдовской круг.

В норме не ожидаешь встретить охотника за чужой маной в библиотеке; чисто теоретически там нет в доступе ничего подходящего для малефицеров. Это, конечно, не так – я наткнулась на такие тексты раз сто. Но человек, который нарочно пойдет их искать, скорее всего, ничего не получит. В любом случае Прасонг был не так амбициозен, как очаровательный Джек Уэстинг. Его заклинание должно было сорвать изрядный клочок кожи с жертвы, чтобы он мог вытянуть из нее порцию маны через боль и ужас; полагаю, больше ничего он и не желал. Вообще-то убить восемь волшебников, пусть даже новичков, зараз – не шутка для начинающего малефицера. Зловещий эффект малии явственно выделил бы Прасонга из толпы однокашников, и соученики – особенно ближайшие соседи по этажу – наверняка сколотили бы компанию, чтобы прикончить малефицера, пока у того не возникли новые гениальные идеи по извлечению маны из окружающих.

К несчастью для Прасонга, я заметила ловушку, едва шагнув за порог. Я решила, что ее устроил злыдень; некоторые продвинутые твари способны накладывать заклинания, пускай неуклюже. Почему бы и не колдовской круг? Лично я справилась бы гораздо лучше, потратив вдвое меньше усилий; именно это я и сделала – взяла кусок мела и переписала половину символов, обратив чары на тех, кто их наложил. Попутно я исправила ошибки и внесла парочку усовершенствований – а потом снисходительно произнесла заклинание, потратив не больше грамма маны. Я еще порадовалась, что нападение удалось так легко отбить.

Лишь в столовой я выяснила, кто это устроил. Ребята бурно обсуждали, как в разгар занятия по иностранным языкам с Прасонга вдруг сошла вся кожа. Он метался по классу, дико визжа, пока не умер от потери крови и болевого шока.

Не могу сказать, что я его жалела. Нет. После обеда меня стошнило, но, наверно, я просто съела какую-то дрянь. Сударат вышла из столовой с выражением умеренного ужаса на лице. Она и все прочие младшеклассники из библиотечной аудитории сразу поняли, что произошло, ведь я самодовольно продемонстрировала им колдовской круг, объяснила, зачем он нужен, и рассказала, как хитро обратила заклинание на того, кто его наложил. Пару недель Сударат помалкивала – очень красноречиво.

Она подошла ко мне впервые с тех пор.

– Из Шанхая? – медленно повторила я.

Сударат чуть заметно кивнула.

– Ребята из Бангкока это слышали, – сказала она. – Что на нас нападают. Когда я сказала...

Она замолчала, но я все поняла. Когда она рассказывала Прасонгу о нападениях в библиотеке, за столом сидели и другие ребята из Бангкока. И теперь бывшие товарищи по анклаву использовали Сударат в качестве полезного разносчика слухов, чтобы хоть немного компенсировать потери. Так поступаем все мы, неудачники. Никогда не знаешь, что именно поможет тебе выбраться из выпускного зала.

– Что ты им сказала? – спросила я.

Сударат склонила голову к парте, так что короткая челка заслонила ей глаза. Я заметила, как у нее судорожно дернулось горло, когда она сглотнула.

– Я сказала, что не помню. Потом я сказала – нет.

Она училась точно так же, как учатся все невезучие новички. Девочка поняла, что ее расспрашивают, не потому что заботятся о ней; старшие охотились за ценными для себя сведениями. Сударат сообразила, что они пытаются что-нибудь разнюхать обо мне. Но она еще не полностью усвоила урок – и совершила ошибку. Нужно было, разумеется, выяснить, что из ее сведений имеет цену, и продать старшим. А вместо этого она солгала, чтобы защитить меня. Солгала тем, кто мог предложить ей надежду на помощь, надежду на новый дом.

Очень любезно со стороны Сударат, хотя я бы предпочла, чтобы шанхайцы вообще ее не расспрашивали. Они что-то заподозрили – это был скверный знак. Как минимум ребята из шанхайского анклава пытались выяснить, что происходит со злыднями – и в одном лишь выпускном классе шанхайцев было девять человек, не говоря обо всех их союзниках. Кроме того, они уже знали, что на тех, кто занимался в библиотеке, как минимум раз нападал злыдень. Несомненно, они размышляли и над другими известными нападениями злыдней – например, лескитов, проникших в мастерскую. Как только кто-нибудь поймет, что нападению подвергся человек, сидящий на индивидуальном языковом семинаре по соседству с мастерской, и что этот же человек – единственный выпускник среди сидящих в библиотеке малолеток, несложно будет сложить два и два.

Я понятия не имела, что произойдет, когда все выяснится. Возможно, остальные нью-оркцы перекроют нам с Хлоей доступ к хранилищу. Если Орион в любом случае перестал снабжать их свежей маной, они немного потеряют, скинув за борт его подружку. И это будет еще не худший вариант. Если ребята сообразят, что школа объявила мне войну, они пожелают знать почему; и если они не сумеют придумать причину сами, кто-нибудь наверняка решит потыкать меня палочкой, чтобы получить ответ. Если еще раньше мои дорогие однокашники не придут к выводу, что, возможно, стоит отдать школе ее добычу.

Поэтому в середине семестра мои занятия проходили особенно бодро.

На самом деле они и правда были неплохи. И я по-прежнему искренне радовалась возможности делать уроки не в одиночестве. Мы прибрались в комнате Хлои и заново набили подушки – если вы думаете, что мы выбросили бы отличные, удобные подушки только потому, что недавно они служили обиталищем двум злыдням и одному полупереваренному подростку, вы ошибаетесь. Мы собирались у Хлои почти каждый вечер, поставив на пол между собой маленькую корзинку, где наши мышки могли вздремнуть на досуге.

Мы редко оставались вчетвером. Каким бы предметом мы ни занимались, стоило попросить – и приходил кто-нибудь еще. Я часто нуждалась в помощи по арабскому – Ибрагим и его приятели были просто счастливы заглянуть к нам и в качестве платы за вход дать мне совет. Почти каждый вечер приходила и Нкойо – она получила курс общего санскрита, на который рассчитывала я. С ее помощью я изрядно продвинулась в сутрах Золотого камня и наконец добралась до чего-то серьезного.

Впрочем... нет, я лгу. Дело было не в помощи, а в свободном времени, потому что я наконец перестала озиаться, не теряя бдительности ни на секунду. Дело было в энергии, потому что мне не приходилось постоянно напрягаться, собирая ману. И – да, дело было и в помощи тоже, просто помощь, свободное время и энергия проистекали из одного источника. Источника по имени Хлоя, неограниченно щедрая Хлоя... и мне это не нравилось.

Я вру. Нравилось, конечно, даже очень, и в то же время я тосковала и злилась.

Но я ненадолго перестала тосковать и злиться, когда перевернула страницу и обнаружила каллиграфически выписанный заголовок, который был ясен без перевода. Образно выражаясь, он гласил: «Тут что-то особенное». Первый камень на Золотой дороге. Заклинание на санскрите окружала затейливая рамка; каждая буква была украшена золотым листком и обведена

цветной краской. С первого взгляда я заметила фрагменты заклинаний, которые мне уже попадались, – заклинание фазового контроля, призывание воды, еще одно заклинание, с которым я совсем недавно разобралась (оно отделяло землю от камня). Все они, сплетенные вместе, были частью целого.

Я не просто перестала дуться. Я перестала беспокоиться из-за маны, из-за того, что случится, когда (если) меня раскроют; я даже на учебу забила. Целую неделю я трудилась над сутрой – если, конечно, не сидела на индивидуальном семинаре и не убивала злыдней. Даже за едой я не отрывалась от словаря.

Я знала, что это глупо. Для семинара по валлийскому мне было нужно разобрать длинное, запутанное стихотворение, которое наверняка содержало три-четыре полезных боевых заклинания – их, вероятно, можно было использовать во время выпуска. А великий труд Пуроханы имел отношение только к архитектуре, и, скорее всего, для наложения этих заклинаний понадобился бы целый круг магов. Сутры Золотого камня предназначались для постройки анклавов, а не истребления злыдней; они могли пригодиться мне, только если бы я выжила и выбралась из школы.

Но если я выберусь, то предложу их семье Лю или кибуцу, из которого родом друг Ибрагима Якуб. Сутры Золотого камня пригодятся стабильным магическим сообществам, которые хотят обзавестись безопасными убежищами. Возможно, это не лучший способ возведения анклавов, иначе большинство заклинаний дошли бы до наших дней. Однако лучше прибегнуть к ним, чем заложить все свое семейство другому анклаву на три поколения вперед, только чтобы получить доступ к заклинаниям, не говоря уж о необходимых для строительства ресурсах. Кроме того, заклинания Пуроханы, вероятно, обойдутся дешевле современных. В Древней Индии не строили небоскребов; как минимум неоткуда было взять стальные балки и бетон.

Мои золотые анклавы, конечно, будут не такими шикарными, как современные, ну и что? Они не позволят злыдням добраться до детей; а если ты живешь в безопасности, у тебя, по крайней мере, есть выбор. Выбор, который можно сделать, и не будучи моей мамой. Тебе уже не придется подлизываться к детям из анклавов и подкупать их. Да, у них будут некоторые преимущества, больше старых вещей на раздачу, больше маны, кое-кто по-прежнему будет их обхаживать, но не абсолютное большинство, отчаянно цепляющееся за жизнь. Члены анклавов перестанут получать даровую помощь в обмен на призрачную надежду попасть в союз и еще более призрачную надежду попасть в анклав.

Эта мысль меня воодушевляла. Если именно таким образом мне предстояло нести гибель и разрушение мировым анклавам, значит, прабабушкино пророчество все-таки должно было исполниться. Я возьму заклинания Пуроханы и научу людей ими пользоваться; да, возможно, я им не по нраву, но ради такого случая они ко мне прислушаются. Я стану желанной гостьей в анклавах, которые помогут построить; в уплату я возьму с осчастливленных волшебников обещание, что они помогут другим. Пожертвуют ресурсы, сделают копии заклинаний, подготовят учителей...

Занимаясь в свободное время исправлением мира, я упустила из виду школьные задания. Я совсем забыла про контрольную для протоиндоевропейского семинара, и мне грозил бы полный крах, если бы не Ибрагим; когда я вспомнила о контрольной – вечером в понедельник, накануне сдачи, за час до отбоя, – он срочно договорился с приятелем из дубайского анклава. Мы с ним как-то раз в прошлом семестре сидели рядом в библиотеке. Дубайцы по-прежнему смотрели на меня косо, когда встречали в коридоре, а вот Ибрагим завел среди них одного хорошего друга и четырех знакомых. Не такова ли вся моя жизнь?

Но теперь мне повезло, потому что, когда я испуганно вскрикнула, вспомнив про контрольную, Ибрагим сказал: «У Джамала, кажется, есть то, что нужно». Джамал был младшим из дубайской компании – и он унаследовал бесценную коллекцию контрольных работ по самым

разным предметам. Я отдала ему копию комментария к заклинанию, призывающему воду, и получила прекрасное эссе, написанное для протоиндоевропейского семинара десять лет назад.

Нужно было переписать его своей рукой, и в итоге я решила, что автор несет чушь, разозлилась и переделала примерно половину, засидевшись до глубокой ночи. Я заснула прямо на столе, и мне пришлось дописывать эссе на следующий день во время индивидуальных занятий. Затем я отправилась на протоиндоевропейский семинар, полная смутного недовольства; когда я, зевая, засовывала контрольную в прорезь для сдачи, из нее показался зловещий дымок и проник прямо в мой открытый рот.

Не думайте, что все чудовища – огромные и зубастые. Злыдни-мистики вообще-то относительно хрупкие. Они охотятся, сводя людей с ума зачарованными газами, которые вселяют в человека ощущение небывалого ужаса. Пока ты мечешься, вопя и прося пощады, злыдень выбирается из укрытия и пытается выскрести твой мозг через нос при помощи частично материализованных конечностей.

Со мной эта хитрая тактика не сработала, поскольку человеческий мозг не в состоянии представить ничего страшнее чреворота. Магический дымок воскресил это переживание в моей памяти, и я отреагировала точно так же, как в прошлый раз, иными словами яростно заорала: «Сдохни, мерзкая тварь!» Но это был не чреворот, а всего лишь облачко эктоплазмы... и я обрушила на него мощное смертоносное заклинание, совсем как человек, который пытается зажечь спичку огнем.

Мое любимое смертоносное заклинание убивает не потому, что уничтожает тело – оно истребляет жизнь на метафизическом уровне. По сути, я сообщила древнему ужасу, что ему совершенно незачем существовать, и полностью вытеснила его из реальности, а затем попыталась убедить остальную окружавшую меня материю, что ей также следует отказаться от нелепых претензий на существование.

Это было очень странно, потому что школа и так не вполне существует. Она выстроена из реальных материалов, однако магия делает законы физики пластичными: металл и камень начинают растягиваться, планировка не соответствует никаким правилам, и главным образом Шоломанча не разлетается на части только потому, что мы верим в нее изо всех сил. Именно этот элемент я и изъяла, и четыре человека, сидевших со мной на семинаре, в мгновение ока с особой остротой осознали, что от ужасной пустоты их защищает консервная банка, укрепленная радостными мыслями и волшебной пылью. Ребята дружно заорали и попытались удрать в безопасное место, но безопасных мест больше не было: семинарская аудитория, а следом и коридор от недостатка веры начали рассыпаться у них на глазах.

Разрушить школу нам помешало только то, что я не переставала верить сама. Все еще полупьяная после видения, я вышла, шатаясь, вслед за остальными в коридор, который уже начал гнуться и коробиться, как алюминиевая фольга, под весом верхних этажей. Сначала я подумала, что дурман еще не прошел; поэтому я закрыла глаза и решительно сказала себе, что все в порядке. Я потянулась рукой к стене, не сомневаясь, что нащупаю ее, прочную и надежную, – и действительно нащупала. Тогда я крикнула вслед ребятам: «Успокойтесь! Это просто мистик! Стойте!» Обернувшись, они увидели, что коридор вокруг меня цел, убедили себя, что я права, и вновь поверили в школу.

Тут же я поняла, что ошиблась: как только коридор обрел прочность, Шоломанча захлопнула дверь класса и скрыла ее прочной стеной, как она обычно поступает с лабораториями на втором этаже, если результаты неудачного алхимического эксперимента выветрятся лет через десять, не раньше. Стена рухнула прямо с потолка передо мной, едва не отхватив мне палец, но я успела заметить за ней стену семинарской аудитории, сложившуюся гармошкой. И тут до меня дошло, что я наделала.

Я почти ничего не знала про других ребят, посещавших индоевропейский семинар. Все они, как я, были, разумеется, выпускниками, учившими иностранные языки. Один из них,

Рави, принадлежал к джайпурскому анклаву, и остальные трое сидели вокруг него, помогая ему на контрольных и экзаменах. Со мной они даже не разговаривали. Я знала Рави по имени только потому, что в числе его прихлебателей была белокурая немка по имени Лизель, обладавшая отвратительной привычкой ворковать: «Ах, Рави, это просто великолепно», когда он давал ей на проверку свои работы. Мне страшно хотелось запустить в них словарем, особенно после того как я случайно бросила взгляд на ее контрольную. Несложно было догадаться, что Лизель, вероятно, претендует на выпуск с отличием, а значит, раз в десять умнее Рави. У него даже не хватило мозгов понять, что она самая сильная ученица в группе. Обычно Рави отдавал свои работы одному из парней, а сам до конца урока флиртовал с Лизель и заглядывал ей в декольте.

Конечно, мозги не всегда решают все. Рави быстрее прочих убедил себя, что школа не рухнет; когда я их нагнала, он уже оправился и решительно произнес:

– Пойдем в библиотеку. Нам не понизят оценку, если аудитория схлопнулась. Ну и ты тоже приходи, – добавил Рави, обращаясь ко мне царски великодушным тоном; этот наглец даже ткнул пальцем в сторону лестницы, намекая, что в знак благодарности за внимание я должна пойти первой. Месяц назад, когда у меня не было разделителя, я бы пошла – и была благодарна за приглашение в компанию.

– Если я и пойду куда-то посреди урока, то только одна, – грубо ответила я. – Между прочим, ни один из вас не сказал мне про мистика.

Они все пришли в класс раньше меня. Никто не пострадал во время сдачи заданий – следовательно, они заметили нехорошие признаки (например, слабый переливающийся свет, который я в норме бы не пропустила) и запиховали контрольные в щель, держа их на расстоянии вытянутой руки. Никто не сказал ни слова, когда сдавать контрольную пошла я.

– Самой надо следить, – дерзко ответил один из парней.

– Конечно, – сказала я. – Вот теперь и следите.

– Что это было? – внезапно спросила Лизель. Она подозрительно посмотрела на успокоившийся коридор и замурованную дверь, а затем уставилась на меня. – Заклинание, которое ты применила... это *La Main de la Mort*? Рука Смерти?

Она была права. Очевидно, Лизель учила французский (или она вообще билингва с детства). В целом Руку Смерти несложно распознать – не так уж много смертоносных заклинаний из трех слов. Проблема заключается не в том, чтобы выучить слова; это заклинание требует огромного количества *je ne sais quoi*², как большинство французских заклинаний; нужно швырять их беспечно и как бы безыскусно. Поскольку Рука Смерти убьет *тебя*, если ты ошибешься хоть немножко, мало кто способен произнести это заклинание беззаботным тоном. Ну разве что ты находишься внутри чреворота, и смерть кажется приемлемым вариантом. Вдобавок нужно выпустить чудовищное количество маны, не выказав ни малейшего усилия, что нелегко для большинства людей, если им, конечно, не суждено стать великими темными магами.

– Сами себя охраняйте, если надо, – сказала я, ища прибежища в грубости, и зашагала к лестнице как можно быстрее, пока Рави, разинув рот, смотрел мне вслед.

Было не запредельно сложно догадаться в ту минуту, что я скрываю нечто важное и очень неприятное. Придя обедать, я увидела, что Лизель разговаривает с Магнусом за нью-йоркским столом. Он жестом велел парочке своих прихлебателей отодвинуться и дать ей место рядом.

– Кажется, мне крышка, – кратко сказала я Аадхье и Лю, как только села.

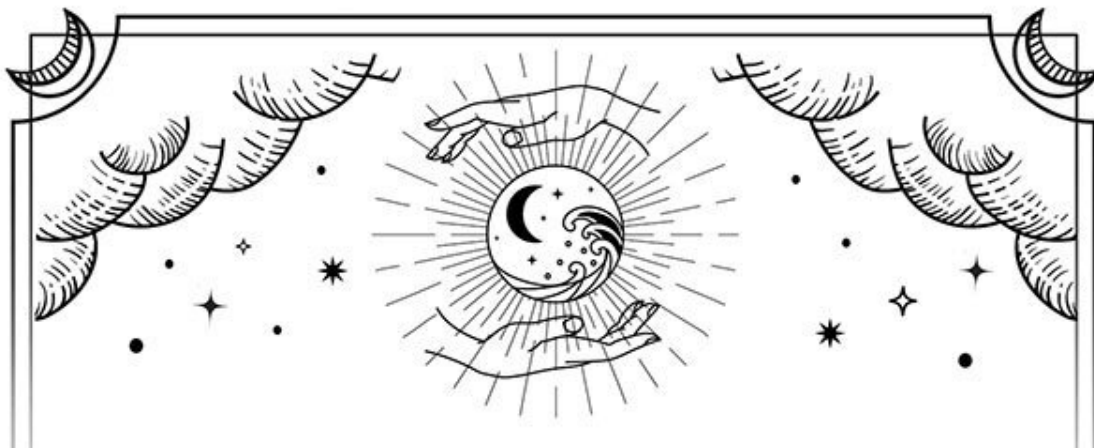
И, знаете, я не ошиблась.

---

² Нечто неуловимое, неопределенное (фр.).

Глава 4

Середина семестра

Когда я была маленькой, мама регулярно напоминала мне, что другие думают о нас гораздо меньше, чем кажется; людей гораздо больше волнует то, что думают о *них*. Я полагала, что усвоила этот урок, но оказалось, нет. В глубине души я искренне считала, что все меня обсуждают, оценивают и так далее, хотя на самом деле я никого особо не интересовала. Я открыла эту восхитительную истину, потому что внезапно окружающие и впрямь стали обо мне думать. Контраст был разительным.

Не так давно все решили, что Орион Лейк влюбился в меня, просто потому что всегда был странным. По обычным меркам он и правда был странным. Даже Магнус и прочие ньюйоркцы, предложившие мне гарантированное место в анклав, не считали меня какой-то особенной; они всего лишь хотели ублажить Ориона. Ребята не сомневались, что в выпускном зале меня спас Орион. Но тут Лизель разнесла весть о том, что я способна наложить заклинание Мертвой Руки, даже надышавшись парами мистика, и это была последняя капля. Ньюйоркцы наконец задумались обо мне и, разумеется, в тот же день догадались, куда девается мана.

Вечером, выходя из библиотеки, я обернулась и увидела Магнуса и троих его приятелей, которые сгрудились вокруг Хлои, сидевшей на кушетке в читальном зале. Испуг на ее лице ясно читался даже издали. Я подумала, не вернуться ли... но что толку? Хлоя не стала бы врать друзьям по анклав, людям, с которыми ей предстоит жить; а я не стала бы просить ее об этом. Неужели я хотела взмолиться, чтобы ньюйоркцы позволили мне цепляться за них и дальше? Разумеется, нет. Я собиралась угрожать? Соблазнительно... но нет. Я ничего больше не могла поделать. Поэтому я развернулась и пошла вниз, в полной уверенности, что ньюйоркцы вынудят Хлою отрезать меня от хранилища маны. Честно говоря, это был оптимистичный сценарий. На самом деле я ожидала, что Магнус явится ко мне во главе огромной толпы, вооруженной вовсе не метафорическими вилами.

В общем-то, мой случай вовсе не уникален в истории колдовского сообщества, и случай Ориона тоже. Мы оба – таланты, которые рождаются раз в поколение, но, как вы догадываетесь, в норме это происходит *один* раз в поколение. По чистой случайности мы – два исключительных примера – оказались в школе вместе. Не сомневаюсь, мироздание устроило это, чтобы восстановить нарушенное равновесие. Мой папа храбро бросился в пасть червороту, навстречу бесконечным мукам, чтобы спасти меня и маму, она много лет лечит бесплатно, а я с детства ощущаю тягу к жестокости и массовым убийствам. За год до рождения Ориона двенадцать малефицеров истребили весь выпускной класс, поэтому был зачат герой, способный спасти

сотни ребят. Это принцип равновесия: на обеих чашах лежат равные, но полностью противоположные вещи.

Дело в том, что волшебники вроде нас попадаютсся нередко – нет-нет да родится могущественный маг, который может изменить баланс силы между анклавами, в зависимости от того, где ему суждено появиться на свет. Лет сорок назад из школы выпустился один великий мастер, имевший талант к масштабным постройкам, и все крупные анклавы позвали его к себе. Он отверг их предложения и вернулся домой, в Шанхай. Древний анклав его семьи был захвачен чреворотом. Он собрал круг из независимых волшебников, лично возглавил их, убил чреворота и, как вы понимаете, был немедленно провозглашен новым Господином шанхайского анклава – и это через три года после выпуска. Конечно, он начал почти с нуля: спасенный им анклав был древним и насыщенным многовековой магией, но по современным стандартам маленьким и тесным; к тому времени большинство талантливых китайских волшебников перебрались в Нью-Йорк, Лондон и Калифорнию. Даже анклавы в Гуаньчжоу и Пекине пополнялись по остаточному принципу.

После сорока лет правления Ли Шань Феня шанхайский анклав обзавелся шестью башнями и монорельсом; шанхайцы недавно открыли седьмой портал и дали понять, что подумывают отделить азиатские анклавы и выстроить собственную школу. Отчасти это делает Ориона значительной персоной, такой важной, что Нью-Йорк был готов подарить бесценное место в анклавной какой-то девчонке-парии только потому, что она приглянулась Ориону. Все знают, что предстоит борьба за власть, а Орион – не просто популярный ученик Шоломанчи. Он тот, кто может переломить ход войны за стенами школы. Никто не станет объявлять открытую войну анклавной, обладающему непобедимым бойцом, не говоря уж о ресурсе, который представляет собой человек, умеющий превращать злыдней в ману. Орион надежно устроен в Нью-Йорке – он сын весьма вероятной будущей Госпожи нью-йоркского анклава, ни больше ни меньше. Не сомневаюсь, что авторитет его матери изрядно зависит от него. Шанхайские ребята наверняка прибывали сюда с наказом внимательно наблюдать за Орионом и вести разведку. Вряд ли им было спокойно: за последние три года Орион собрал внушительный клуб поклонников из тех, кому спас жизнь.

Я не предвидела одного – что меня наряду с Орионом повысят до ранга серьезного игрока.

Хлоя не пыталась соврать Магнусу – в любом случае, она не умеет врать. Вместо этого она принялась отчаянно убеждать его в том, что нужно и дальше давать мне ману, *а не то...* Хлоя подробно живописала потенциальное «не то», рассказав заодно, как я распотрошила подушечное чудовище. Нормальный человек пришел бы в ужас, обнаружив рядом с собой ходячую ядерную бомбу. А Магнус решил, что из этого выйдет отличный подарок для нью-йоркского анклава.

На следующее утро, за завтраком, я бы предпочла вилы его самодовольной роже. Магнус ухмылялся, глядя на сидевших в другом конце столовой шанхайцев, как будто он сделал ловкий ход и завербовал меня. Напоминаю, в прошлом семестре Магнус пытался меня убить. У ребят из Шанхая вид был мрачный и встревоженный. К вечеру я узнала, что они торговались за сведения обо мне и в очередной раз пристали с расспросами к Сударат; один из шанхайцев даже предложил девочке разделитель маны до конца года, что наверняка гарантировало ей жизнь.

– Соглашайся, – с горечью сказала я Сударат. – Хоть кто-то должен извлечь из этого выгоду.

В общем, мне не на что было жаловаться: ньюйоркцы меня не прогнали и не отлучили от вкусной маны. Более того, они с удвоенным энтузиазмом принялись собирать ману, когда выяснили, куда она девается. Потому что они, разумеется, ожидали взамен получить лакомый кусочек, а именно меня – мощное оружие, которое будет тихонько лежать в заднем кармане

анклава, готовое к использованию в случае чрезвычайной ситуации. Они с радостью дали бы мне после выпуска именно такую жизнь, о которой я мечтала много лет.

Вот гады.

Через два дня Орион внезапно сказал:

– Слушай, может, после выпуска махнем куда-нибудь?

Я уставилась на него.

– Что?

– Ребята говорили – надо съездить куда-нибудь компанией, – с восторгом продолжал Орион. – Нам дадут автофургон, так что...

Очевидно, Орион увидел мое ошавевшее лицо и догадался, что в этом разговоре есть нечто странное.

Он не просто вслух пытался строить планы на будущее – для этого требовалось предположить, что все мы выживем (даже самые богатые члены анклавов старались не затрагивать эту тему в смешанной компании, а для остальных она просто была табу). Вдобавок Орион полагал, что я добровольно пожелаю тусить с ньюйоркцами.

Конечно, он не сам это придумал. Хлоя как-то на голубом глазу сказала мне, что Орион ничего не хочет, кроме как убивать злыдней, и это полный бред; но окружающие, несомненно, так усердно его поощряли, что этот бред прочно засел у Ориона в голове. И разделитель маны, который он носит, работает только в одну сторону, поэтому Орион *вынужден* убивать злыдней, если ему нужна мана. А она нужна ему, как всем нам.

Орион запрограммирован на то, чтобы с утра до ночи думать только об охоте на злыдней. Единственным, чего он однажды внятно пожелал, была я. Скорее всего, на моем месте мог оказаться любой человек, который обращался бы с ним как с живым существом, а не как с машиной для убийства чудовищ.

Он многого мог пожелать – дружбы, любви, нормального отношения. Но Ориону было все равно, где сидеть в столовой, какую футболку носить, какие уроки посещать и какие книги читать. Он выполнял задания более или менее исправно, вел себя вежливо и избегал обожающих поклонников, мучаясь из-за этого совестью; если бы я сказала: «Давай пройдемся на руках по коридору», он бы, наверно, пожал плечами и ответил: «Ну давай». У Ориона не возникло бы спонтанного желания отправиться в путешествие. Ему внушили эту идею, и смысл, очевидно, был в том, чтобы втянуть в нью-йоркскую тусовку *меня*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.